ИНЕССА ДАВЫДОВА
СЛИВОВАЯ ПЫЛЬ
Часть I
Из серии «Долина чудаков»

Инесса Давыдова
Сливовая пыль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72651655
SelfPub; 2025

Аннотация

Аврора Василевская, бывший агент под прикрытием, сломленная ранением и годами реабилитации, получает шанс на возвращение к прежней жизни. Ее первое задание после долгого перерыва – найти пропавшую журналистку в провинциальном городке, окутанном странной аномальной зоной. В городе живут родственники Авроры, два дяди: Александр – лихой, но справедливый начальник полиции и Василий – священник, борющийся со злом своими методами. Аврора активно встраивается в тяжелую, но интересную работу отдела полиции по раскрытию преступления и становится участником необычных событий, происходящих в городе. Серость полицейской работы маленького городка смягчают смешные ситуации, чудаковатые персонажи и мистические события.

Содержание

Глава первая. Ищу живого человека! 4
Глава вторая. Глас вопиющего в пустыне 54
Конец ознакомительного фрагмента. 103

Инесса Давыдова
Сливовая пыль

Глава первая. Ищу живого человека!

В самом сердце необъятной России, где время течет в своем уникальном ритме, раскинулась загадочная равнина, протянувшаяся вдоль федеральной трассы на сотню километров. Запутанные катакомбы, заброшенные рудники и необъяснимые природные явления создали ей репутацию аномальной зоны. На въезде в единственно уцелевший город равнины висит дорожный знак: «Долина Свободы». Кто-то из жителей зачеркнул красной краской слово «Свобода» и поверх написал: «Чудаков», а чуть дальше воткнул самодельную табличку на штакетнике из кладбищенского забора с предостерегающей надписью: «Прощай, подвеска». Такой своеобразный способ самовыражения был характерен для обитателей этого городка: с помощью табличек они выражали протест и демонстрировали творческую натуру, обходя привычные каналы коммуникаций.

Опоздавший на два часа автобус подкатил к автостанции, кашляя и извергая клубы угольного дыма. По устоявшей-

ся традиции автобус облепили цыганки, предлагая выходящим пассажирам за незначительное вознаграждение заглянуть в будущее. Назойливое жужжание обладательниц пестрых одежд слышалось со всех сторон, пока по ступеням, слегка сутулясь, не спустился Богданов Олег, психолог реабилитационного центра, по прозвищу Вещий. Цыганки бросились врассыпную, и лишь засмотревшаяся по сторонам колоритная дама, похожая на жар-птицу, осталась недвижимой. Для Богданова она стала подарком, которым его радушно встретил город после отпуска.

Жизнь находящейся в неведении женщины сложилась так, что Богданова она никогда не видела. Поэтому лишь только он показался на ступенях, все ее естество заколыхалось и пришло в восторг. Метко сканирующий глаз подметил дорогие туфли, часы, портплед из натуральной кожи и массивный перстень, который она в своих фантазиях уже подарила мужу. Ее не насторожили проницательный взгляд чуть прищуренных серых глаз и плотно сжатые, почти белые губы.

– Погадаю, расскажу, где ждут проблемы, где радость, – замурлыкала она грудным напористым голосом. – Дай руку, касатик, про любовь скажу, где счастье твое прячется.

Богданов, не моргнув глазом, охотно протянул свободную руку, его натренированный взгляд заметался по лицу, фигуре и наряду цыганки.

– Вижу великое будущее, большим человеком будешь, но

тень… нависшая тень угрожает твоему благополучию.

– Не люблю, когда гадалки-побирушки бросаются общими формулировками, – его голос был спокоен и немного холоден. – Какая именно тень? Какого рода благополучие вы имеете в виду? Финансовое? Личное? Или, возможно, речь идет о неудовлетворенности глубинными психологическими потребностями?

Стандартные формулировки оказались бесполезны. Цыганка замялась, боковым зрением подметив, что ее сородичи почему-то покинули остановку. Не дав цыганке опомниться, Богданов с удивительной точностью описал ее собственное психологическое состояние: стремление к быстрой наживе, страх перед будущим, комплекс неполноценности, скрывающийся за демонстрацией яркости и богатства. После каждого предсказания он делал шаг навстречу, а она отступала.

– День у тебя не задался с самого утра. Ты забыла мешочек для амулетов – кисет прямоугольной формы, украшенный блестками и бисером. К тому же тебя расстроила весть о том, что твоя дочь оказалась совершенно не пригодной к гаданию. С мужем ты в соре, он тебе изменяет с твоей двоюродной сестрой, и ты совершенно справедливо полагаешь, что ребенок, которого она носит, может быть от него. Но мой перстень, который ты захотела взять в оплату за свои услуги, вернуть его не поможет. Рано или поздно придется признать – он тебя никогда не полюбит.

Лицо цыганки побелело, хищный блеск в глазах сменил-

ся растерянностью. Она отшатнулась, пробормотала что-то несвязное и скрылась в толпе. Богданов улыбнулся, поправил перстень на пальце, надел солнцезащитные очки и пошел к стоянке такси.

На повороте в город с федеральной трассы, прямо под знаком «Остановка запрещена», год назад стихийно возник придорожный рынок. Приветом из девяностых тянулась вереница жителей преклонного возраста с нехитрым товаром. Собственно, рынком его называли только местные, о чем сообщала очередная табличка из картона, которую на ночь прятали в тайнике. На бойкую торговлю намекали наспех сколоченные скамьи все из того же забора, что тянулся вдоль трассы и ограждал кладбище от непрошенных гостей.

– Всё, бабоньки! Пора домой! – Клавдия сложила сумки в ведра и, взглянув на часы, добавила: – Дел дома куча.

Как только она отошла, другие тоже засобирались.

– Вы куда? Рано же еще, вон какое движение, – удивилась Маня, показывая на поток машин, тянувшихся из Нижнего Новгорода в элитный коттеджный поселок. – Сейчас самая торговля пойдет.

– Если Клавка ушла, значит, скоро комиссия штрафовать приедет за незаконную торговлю. У нее дочка в мэрию устроилась и ей маячит в случае надобности, – объяснили ей собирающиеся подруги.

– Ну тогда и я пойду, – Маня чуть отошла от дороги и, приставив ко лбу ребро ладони, попыталась разглядеть ры-

баков, сидящих у пруда. – Не пойму, куда мой подевался, только что же тут сидел.

Водрузив на плечи остатки непроданного товара, женщины двинулись в сторону города. Впереди идущие затянули песню:

Нет без тревог ни сна, ни дня.
Где-то жалейка плачет.
Ты за любовь прости меня,
Я не могу иначе.

– Маня, ты глянь на своего! Уже к Светке сбегал! – громко прокричала Наталья, бойкая грудастая блондинка, показывая на сидящего спиной к пруду рыбака.

Женщины захихикали, а Маня покраснела.

– Никуда я не бегал! Тута сидел! – отозвался Генка, опасливо поглядывая на жену и стараясь держать равновесие.

– Ты глянь на свои ноги, ушлепок! – Если б не подруги, прошла бы Маня мимо – пусть бы до утра сидел.

Генка посмотрел на ноги и ахнул, протер глаза, но изображение оставалось прежним – на правой ноге красовался красный женский шлепанец с желтой ромашкой.

– Я сама Светке эти тапки продала. Не отбрешешься! – смеялась от души Наталья.

– Опять пил? – от стыда Маня покрылась пятнами, теперь разговоров не оберешься.

– Клянусь прикормкой – в рот ни-ни! – сначала Генка хо-

тел скинуть шлепок в пруд, потом одумался, в чем тогда ему до дома идти.

– Ирод проклятый! Глянь на свою удочку! Кого ты там в траве ловишь? Кротов? Так они у нас весь огород вместо тебя перекопали! Иди к Светке, пейте дальше! Домой не пущу! Хватит с меня!

Поняв, что прикрытие с удочкой провалилось, Генка откинул предмет позора и, шатаясь, поплелся за женой.

– Маня, не дури. Я тута сидел. На тебя в биноклю смотрел. А тапки Светка сама перепутала, когда сюда приходила.

– Сначала найди свой бинокль. Небось потерял. Сын тебе третий покупать не будет. Пока не протрезвеешь, домой на порог не пущу, – для острастки Маня смачно плюнула в его сторону.

Проселочную дорогу размыла вода, стекающая с полей, от чего женщины ругнулись и, задрав юбки по бедра, старались обойти грязевые лужи.

– Маня, наверное, твой пил с Мишкой – зятем Изумрудовой. Раз вода с их поля хлещет, значит, закрыть некому. Кипяток такого бы бардака не допустила.

Предпринимательницу Изумрудову из-за крутости характера местные называли Верка-Кипяток. Связываться с ней никто не хотел, а вот сама Верка учиняла разборки по любому поводу.

Маня обернулась, погрозила мужу кулаком, а важность момента решила подчеркнуть брошенным в его сторону кам-

нем.

– Скажи собутыльнику, чтобы воду перекрыл, а то люди потонут в грязи!

Получив приказ, Генка поковылял к месту распития горячительного, а женщины посторонились, услышав бренчание звонка. По размытой колее на велосипеде промчалась, обрызгав женщин грязью, заместитель начальника полиции Пелагея Петрова. Бросив через плечо неуклюжее объяснение: «Спешу в больницу», она помчалась к дому шефа.

– Тьфу, бесовска кобылица! – прокричала ей Маня в след: – Смотри, чтобы под твоей тушей велосипед не погнулся! Вон какой срандель отъела!

Пелагея выставила средний палец, потом вцепилась в руль и налегла на педали.

Нырнув в подлесок, Генка шел на голоса: приятели гоготали что есть мочи, а громче всех заливалась Светка, виновница всех Генкиных неудач.

– Отдай мой шлепок! – взревел разъяренный Генка. – Жинка меня по нему в раз выкупила. А ты, кобель лощеный, – ткнул он в плечо зятя Изумрудовой, – беги к крану, вода уже дорогу залила.

Повторять не пришлось, услышав про воду, Мишка вскочил и, нацепив мокасины, побежал в сторону полей.

– Без меня третью не открывайте! – послышался его крик с дороги.

– Ага, прямо заждались, – пьяным голосом огрызнулась

Светка и состроила Генке гримасу, от которой он устоять не мог.

– Ох, Светлана Викторовна, доиграетесь вы сегодня… – журил ее пальцем Генка.

Пелагея свернула в переулок, слезла с велосипеда и под тусклым светом фонаря разглядела на заборе старую кастрюлю, к которой была привязана палка. Надпись возвещала, что это нехитрое приспособление – звонок. После второго кастрюлегромыхания из соседнего дома вышла Анна, младшая сестра начальника полиции, и, разглядев в полутьме нарушительницу спокойствия, закричала:

– Ты чего гремишь, как оголтелая?! Не помнишь, какой сегодня день?!

Вспомнив дату, Пелагея схватилась за голову.

– Сегодня день его ранения в Афгане! Что теперь делать? В больницу младенца привезли. Его мать хотела придушить, но врачи откачали, – чуть не плача запричитала Пелагея.

– Даже если ты его найдешь, толку с него будет мало, сама знаешь. Ты за старшую, Полюшка. Работай. Разве не за это тебе зарплату платят?

Понимая, что разговорами ситуацию не облегчишь, Пелагея со злостью отмахнулась и вскочила на велосипед.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что на рыночном месте никого нет, водитель черного седана вырулил из лесополосы на дорогу и двинулся в сторону карьера. Из багажника послышался стук и приглушенный возглас: «Выпу-

сти меня! Останови машину! Мне нечем дышать!»

Когда машина скрылась из вида, оставляя за собой пыльную завесу, в подлеске очухались от пьяного угара собутыльники Генки и подняли головы поверх высокой травы.

– Ты слышал? В багажнике вроде баба!

– Кто бабу будет в багажнике возить? Показалось…

Приятели вспомнили зачем шли и снова поплелись в сторону полей.

– Ты окей – и я окей, – приговаривал один из них, пытаясь обнять другого, но опаздывал, и рука то и дело соскальзывала с плеча товарища.

***

Рабочий день бывшего скупщика краденого, а ныне владельца ночного клуба «Белая орхидея», сорокалетнего Павла Гончарова по кличке Зверобой, начинался, когда обычный народ готовился ко сну. Часы, в которые он совершал сомнительные сделки, Зверобой называл «жатвой». Из дома он выходил в сопровождении двоих вооруженных корешей, а за ними медленно полз черный «кадиллак», готовый в любой момент подхватить босса и подручных.

Зверобой был двухметрового роста, свое жирное брюхо он носил перед собой важно, как пират, выставляющий напоказ награбленное богатство. Руки и ноги его походили на

огромные щупальца осьминога, а маленькие глазки, заплывшие в складках жира, пронзали прохожих, как острые иглы. Рот на гладко выбритом лице раскрывался лишь в моменты искренней радости, оголяя его мелкие, как у хорька, зубы.

Никто толком не знал, чем именно занимается Зверобой, кроме того, что он был владельцем клуба, где собиралась местная шантрапа. Поговаривали, что он так и не отошел от скупки краденого, а только сменил тактику, которую еще не раскусили власти. Кто-то приписывал ему наркоторговлю, кто-то владение борделем, но все это были слухи.

Клуб «Белая орхидея», расположенный на возвышенности, был хорошо виден с федеральной трассы и забивался под завязку уже к десяти вечера публикой, которую не назовешь почтительной. Среди них были автомобильные воры, продавцы наркотиков, шулеры, жулики, мошенники и любительницы подмешивать мужчинам клофелин.

Местные жители называли клуб «болотом» и обходили его стороной. Не одна уважающая себя девушка не переступала порог этого злачного места. В полиции это заведение называли «Адом на подзаправке», в силу соседства с заправочной станцией и, если в городе что-то случалось, проверяли клуб в первую очередь.

Оформлением клуба занимался столичный архитектор, которого Зверобой перехватил после застройки коттеджного поселка близ Голубых Озер. Поэтому экстерьер и интерьер клуба сильно отличался от местных заведений. Наблюдать

за танцующими и ужинающими посетителями из окон своего кабинета, расположенного на втором этаже, было основным развлечением Зверобоя. Переступив порог клуба, он переодевался в черный фрак, белую рубашку, начищенные до блеска итальянские туфли и, поглаживая лысую и блестящую, как бильярдный шар голову, обходил свои владения.

Когда Зверобой приглашал кого-то на беседу, гость проходил к бару и, пока ждал аудиенции, его пристально рассматривала управляющая клуба, гаитянка Мариса. Она приехала в Россию учиться медицине, но, к сожалению, попалась на глаза Зверобою. Кто знает, возможно, сейчас она лечила бы детей от кори и ангины, но после роковой встречи в столичном ночном клубе медицина, прихватив с собой свободу, исчезла из ее жизни, как корабль, уходящий за горизонт. После ухода собеседника Зверобой присылал ей в чат знак вопроса, а она отвечала «да» или «нет». Гаитянка обладала способностью видеть и чувствовать намерения людей, поэтому стала его тайным оракулом, предсказывающим будущее каждого, кто осмеливался переступить порог ночного клуба.

У бара появился элегантно одетый мужчина лет сорока и попросил встречи со Зверобоем, предоставив визитку столичного архитектора. Увидев гаитянку, отчитывающую официанта, он уставился на нее, как на ценный аукционный лот, и непроизвольно облизал губы. Высокая, стройная экзотическая девушка с бархатной, почти черной кожей и копной куд-

рявых волос не могла не притягивать всеобщее внимание. Когда ее взгляд встретился с его серыми, холодными, как у акулы, глазами, она нервно сглотнула и похолодела. Незнакомец производил впечатление опасного человека, что в принципе было нормой для посетителей этого заведения.

Странное поведение посетителя сразу подметил Зверобой и дал корешу указание проверить, что за хлыщ так нагло рассматривает Марису. Через минуту ему доложили, что посетитель просит с ним встречи, но своих контактов не дал, и даже не представился. Ситуация была патовой, с одной стороны, Зверобой был очень осторожен и не допускал к себе непроверенных людей, с другой – недавно по клубу пошли слухи, что он трус, боится даже злой собаки в темной подворотне, поэтому, вопреки осторожности приказал привести наглеца в кабинет.

Как только посетитель переступил порог помещения, обитыми темными панелями, атмосфера сразу сгустилась. Зверобою незнакомец сразу не понравился, от него веяло непредсказуемостью. Хозяин клуба набычился, колкие глазки из-под нависших век жалили посетителя.

– Кто вы? Я вас здесь раньше не видел.

– Меня зовут Марк. У меня к вам деловое предложение.

– С чем пожаловали? – нарочито вежливо поинтересовался Зверобой и изобразил радушие.

Марк опасливо осмотрелся и, убедившись, что Зверобой один, запоздало поздоровался и присел на край стула.

– Мне рекомендовали вас как человека, отлично знающего эту местность и специалистов узкого профиля, – вкрадчиво заговорил гость, исследуя предметы на столе, затем поднял глаза на хозяина заведения и уставился на него оценивающим взглядом. – Я планирую в этой местности открыть салон…

Гость запнулся и Зверобой решил уточнить:

– Парикмахерскую?

– Нет-нет… нечто совсем другое…

– Массаж с продолжением?

Гость помотал головой.

– СПА?

– Нет же.

– Тогда какой салон, черт вас побрал?! – рассвирепел Зверобой. Выдвигая догадки и отхлебывая чай, он вспотел, от чего чувствовал себя как в парилке.

– Гадальный.

Нависла минутная пауза. Зверобой прикидывал, выкинуть посетителя сейчас или дождаться момента, когда этот проныра озвучит свою просьбу.

– Это приносит прибыль? – осторожно осведомился хозяин клуба.

– Еще какую. Мы с партнерами имеем три десятка салонов.

– Хм… надо же… – Зверобой поскреб подбородок и подумал, что никогда бы не догадался о таком деле, но навер-

няка этот проныра не лжет, что дело прибыльное, иначе зачем ему расширяться. – Ну так открывайте, я вам зачем?

– Местность для нас новая. Нам с партнерами не хотелось бы привлекать к себе внимание раньше времени, к тому же придется долго нарабатывать клиентскую базу. Мы решили обратиться к вам с просьбой посадить нашего человека в отдельное небольшое помещение.

– Субаренда?

– Что-то типа того, но мы, безусловно, готовы выплачивать некий процент от дохода. Если дело пойдет, мы можем взять вас в долю, как представителя местной бизнес-элиты.

Это явно польстило – так Зверобоя еще никто не называл. Его взгляд упал на бювар, где на экране мобильного телефона мелькало сообщение от Марисы. Он прочел: «Вышвырни его, чтобы он тебе не предложил!» и сложил губы в трубочку.

– Марк, кажется, так вы представились? – получив подтверждение, Зверобой сплел руки в замок и как можно тверже произнес. – Подобный бизнес меня не интересует, а присутствие постороннего человека в моем заведении будет нервировать публику, привыкшую к конфиденциальности.

– Понимаю. Заведение у вас модное, имеет хорошую проходимость и солидный доход. К тому же вы имеете процент с каждой заключенной в вашем заведении сделки. Чтобы выстроить такой бизнес нужно иметь авторитет, связи и мозги. Насколько я знаю, ваша такса десять процентов. Мы с партнерами предлагаем вам двенадцать.

Подобную дерзость и осведомленность Зверобой никогда не прощал, вот почему в проеме тут же замаячил охранник, ожидая от босса указаний. Но любопытство и открывшаяся возможность не давала ему кивком головы решить судьбу посетителя, который продолжал:

– Наш бизнес основан на проверенной методике одаренных медиумов и экстрасенсов, которые за определенную плату помогут вашим клиентам разбогатеть. Результат гарантирован. Своей репутацией мы дорожим. – Марк назвал несколько дерзких ограблений, которые остались в прошлом году нераскрытыми. – Мы даем схему, планы отхода, надежных людей. Условия и прибыль сразу оговариваются.

Теперь хозяин клуба понял, о какой сфере деятельности идет речь, и растянулся в улыбке.

– Так бы сразу и сказали. А то гадание… – он откинулся на спинку кресла и передвинул сигарную коробку, что для охраны означало «полный порядок». – О какой сумме идет речь?

Вместо ответа посетитель протянул хозяину клуба карточку, на которой была написана сумма аренды. Брови Зверобоя взметнулись вверх.

– Это в месяц. Если дело пойдет и публика оценит по заслугам нашу работу, тариф удвоится, как и сумма вашего вознаграждения. Нам нужна отдельная комната с сейфом с хорошей вентиляцией и вторым выходом из здания. Насколько я знаю, у вас таких две, одна из них сейчас свободна.

Наш человек будет заходить с бокового хода и видеть тех, кто сам захочет с ним познакомиться.

Предложение было настолько заманчивым, что отмахнуться Зверобою не представлялось возможным, но подозрительная осведомленность незнакомца о его деятельности настораживала и заставляла взять паузу.

– У меня тоже есть партнеры.

Марк кивнул и заверил:

– Мы в курсе.

Протирая платком вспотевшую от напряжения шею, Зверобой пристально смотрел на охранника поверх головы посетителя.

– Нужно обмозговать. Оставьте свои контакты и я с вами свяжусь в случае положительного результата.

– Я зайду к вам в субботу.

С этими словами посетитель попрощался, ловко обошел охранника и стал спускаться по лестнице. Зверобой дал знак Марисе прийти. Та дождалась, когда опасный гость покинет заведение и, взяв с собой два коктейля, поднялась к боссу.

***

За горизонтом таяли последние всполохи розовато-золотистого заката, а с другой стороны неба уже набирала силу красавица-луна, ее притягательный свет отражался в витри-

нах магазинов и окнах домов. Казалось, набухший полный круг приближается все ближе и ближе и неминуемо столкнется с Землей. Эта нервозность каким-то мистическим образом передавалась жителям города и окрестных деревень, поскольку количество обращений в социальные службы в дни полнолуния троекратно возрастало.

Город медленно погружался в темноту, словно его накрыли звездным одеялом. На дорогах все чаще завывали сирены скорой помощи, проблесковые маячки полицейских и пожарных машин. На тускло освещенных улочках двойной линии частных домов терялись в темноте силуэты – это рыночные торговцы вошли в город и стали растекаться по домам. Все тот же ласковый голос напевал:

Я растоплю кусочки льда
Сердцем своим горячим.
Буду любить тебя всегда, -
Я не могу иначе.

Вдруг откуда-то сверху раздался коровий рев. От неожиданности женщины вздрогнули и, увидев на бетонном заборе черно-белую голову с красными рогами, чертыхнулись.

– Тьфу на тебя, Манька! – первой возмутилась бойкая Наталья. – Никак не привыкну, что твоя корова по забору ходит.

Узнав хозяйку, корова замычала еще громче. Маня подняла голову и всплеснула руками.

– Нюрочка, ты меня встречаешь? Моя хорошая. А кто тебе рожки-то покрасил? А тебя что, все еще не подоили? А где Настя? Хата темная. Свет не горит. Куда помчалось это горе огородное?

Калитка заскрипела, и на свет фонарей вышла миловидная девушка лет восемнадцати, за спиной у нее был рюкзак, в руке спортивная сумка. Увидев мать, она замерла, явно не ожидая ее так рано, но быстро нашлась, вынула из ушей наушники и затараторила:

– Мама, я решила путешествовать по миру. Вернусь, когда закончатся сбережения.

– Это когда же? Завтра в обед? Или ты, зараза, до моей заначки добралась? – Маня закатала рукава, готовясь к наведению порядка.

Пользуясь присутствием соседок – при них мать никогда на нее не нападала – девушка уверенно зашагала в темноту. В три прыжка Маня догнала дочь, схватила за косу и так сильно дернула, что та упала на спину и завопила: «А-а-а-а! Убивают! Помогите!»

– Я тебя сейчас быстро в чувства приведу! Ну ты глянь! Вся в отца! Тому дома не сидится, и эта – чуть что, куда-то едет, то на Камчатку, то в Антарктиду. А ну марш в дом. Быстро переоделась – и Нюрку доить. Корова сама себя не подоит.

– Тебе надо, сама и дои! – навзрыд заверещала Настя.

– Ты зачем Нюрке рога покрасила?

– Ничего я не красила! Делать мне нечего что ли!

Маня перебросила вещи дочери через забор. Ремешок спортивной сумки зацепился за коровий рог, от чего голова Нюрки склонилась на бок и исчезла в листве деревьев. Мычание повторилось, на этот раз прерывистое и испуганное. Несколько попыток вырваться из рук матери потерпели фиаско и, вынуждено смирившись, девушка позволила втащить себя в калитку, на которой висела картонная табличка с важной информацией: «Козье и коровье молоко. Услуги козла».

– Маня, если ты Генку выгонишь, придется табличку менять. Услуги козла оказывать уже не сможешь, – Наталья открыла калитку соседнего дома и, хохоча над своей шуткой, пошла к дому с разноцветными ставнями.

Открыв ключом дверь, Наталья вошла в коридор, села на скамью и… заплакала. У ее подруги Мани есть муж и дети, а у нее никого. Схоронила всю родню. Деньгами обеспечена до конца дней, а счастья нет. На трассу Наталья каждый день ходит не за заработком, а за общением. Не с кем ей поговорить, не с кем посоветоваться, не с кем радость и тоску разделить.

***

Как Пелагея ни старалась, до больницы доехала только к полуночи. В приемном покое ее встретил дежурный врач

и повел в детское отделение. Шагнув в коридор, отделяющий приемный покой от вестибюля, Пелагея увидела старика, увешанного колокольчиками, которые при движении создавали хор на высоких нотах, и человек, слышавший этот перелив, невольно ежился. Старик частенько подвергался насмешкам и преследованиям со стороны горожан и по этой причине был под личным покровительством настоятеля храма, отца Василия.

Пелагея поинтересовалась:

– А чего у вас делает Коля-Колокольчик?

– Ногу подвернул. Мы пытаемся его осмотреть, но он не дает одежду снять.

Старик зажег церковную свечу и, сильно хромая, расхаживал по коридору. Заглядывая в каждый уголок, он громко повторял одну и ту же фразу: «Ищу живого человека!» При этом колокольчики весело позвякивали на разные тона, возвещая серьезность намерений хозяина.

– Вы его помойте, – сморщилась Пелагея от кисло-едкого запаха. – Когда в его жизни такой праздник еще будет?

– Помоем, если даст себя осмотреть.

Когда Коля-Колокольчик отвлекся на мусорный контейнер, куда кто-то выбросил недоеденную шаурму, Пелагея услышала знакомые голоса и кинулась проверять больничные боксы. Заглянув в третий бокс, она увидела двух младших сестер, лежащих на каталках, и бросилась расспрашивать:

– Вы что тут делаете? – удивление сменилось на гнев. Уезжая в Москву за покупками, мать строго-настрого приказала ей следить за сестрами. Взгляд пробежал по оголенным алым ляжкам с волдырями и заплаканным лицам. – Вас, горемык, ни на один час одних оставить нельзя. Вы же спать собирались, когда я на дежурство уходила.

Девушки испугано таращились на старшую сестру и не решались заговорить.

– Химический ожог, – озвучил диагноз Аркадий, врач приемного покоя. – Они антижиром ягодицы и ноги намазали.

– Чего-чего? – в недоумении Пелагея часто заморгала и уставилась на плачущих сестер. – Это тот, что я для кастрюль и сковородок купила?

Чуя приближение взбучки, сестры спрятались под простынями и завизжали еще громче. Пелагею они боялись больше, чем врачей.

– Это какие мозги надо иметь?! Совсем сдурели?!

– Я на свидание Матвея пригласила, а он сказал, что я толстая, – запискляпила средняя сестра. – Так обидно стало, вот я и подумала, если антижир посуду от жира очищает, то и под кожей жир расплавит.

– А я подумала, чего это она одна худышкой будет и тоже намазалась! – в тон средней заголосила младшая.

Обе захныкали.

– Что я матери скажу? А ну с глаз моих скрылись, и чтобы

ни одна здесь слезинки не проронила! Понятно? Раз такие дуры, терпите!

Врач оборвал ее тираду на самом взлете, сказав, что в скорой им вкололи обезболивающее.

– А зря! Не надо было! Пусть бы весь город слышал, что бывает, когда у бабы мозги с перепелиное яйцо.

Медперсонал не раз слышал эту фразу от Саныча, зачастую направленную именно к ней, поэтому все ухмыльнулись. Видя их реакцию, Пелагея покраснела.

– Поля, у нас мозг нормального размера. Ты что, забыла? Мы же снимок делали и тебе показывали, – напомнила младшая, разглядывая старшую сестру одним глазом из-под простыни.

– Уберите их с глаз моих, а то я за себя не ручаюсь! – Пелагея выскочила в коридор и поспешила за врачом.

В детском боксе у окна лежал пухленький малыш с синюшней шеей. Увидев его, Пелагея мгновенно оттаяла и нежно залепетала:

– Какой он хорошенький… маленький… пахнет молоком… – увидев шейку малыша, Пелагея выпрямилась и строго спросила: – Где мамашка?

– Ее ваши увезли в управление.

Убедившись, что малышу уже ничего не угрожает, Пелагея спросила, есть ли у него хоть какие-то вещи – ей нужно их осмотреть и забрать на экспертизу.

– Его в пеленке обгаженной привезли. Пеленка осталась

в скорой. Мы его больничным одеялом укутали и так перенесли. Он не подавал признаков жизни, думали, что все, не откачаем, но от яркого света малыш очнулся и закричал.

– А какая бригада его привезла?

– Семеновны.

Составив протокол, Пелагея попросила медиков подписаться, села на велосипед и покатила в сторону управления. Но далеко отъехать не успела, позвонил все тот же врач и доложил:

– У нас тут еще один случай. Мужчину привезли с озера. Амнезия и переохлаждение. Синяки на животе и груди.

Пелагея развернула велосипед и покатила обратно.

***

Добравшись до заслонки, Михаил перекрыл воду и оценил последствия своего разгильдяйства. Теща не раз грозилась выставить ему счет за убытки, и теперь он с ужасом ждал ее возвращения из отпуска. Требовалось заручиться поддержкой жены, и он рысцой побежал в контору агрохозяйства.

Пробегая мимо крайнего поля, он увидел странную картину: две темные фигуры что-то закапывали. Свет их фонаря то включался, то выключался. Тогда он спрятался за единственным дубом и какое-то время наблюдал. Избавившись

от улики – именно так подумал Михаил – двое подельников двинулись в сторону города. Тогда он решил взять из сарая лопату и поднять из недр земли скрытую тайну. Метнулся к теплице, но там его ждал очередной сюрприз. В самой большой теплице горел свет, а между грядок ходила внушительная фигура то ли медведя, то ли демона с рогами.

Подобравшись к тепличному комплексу с южной стороны, Михаил планировал остаться незамеченным. Про лопату он уже не вспоминал, теперь его интересовал вопрос: что за чудище ходит ночью по теплице. В этот момент его окликнули и он увидел идущих со стороны поля Генку и Светку. Пара решила уединиться и попросилась в контору до утра, за что посулила небольшое вознаграждение.

– Генка, сходи в парник, посмотри нет ли там моей жены.

– А сам почему не пойдешь? – заподозрил неладное Генка.

– Меня в парники не пускают. От моего голоса все растения дохнут.

– Как это?

– А вот так! Как зайду в теплицу – сразу все дохнет. А сейчас я еще и пьяный.

– Если посмотрю, кто там, ты пустишь нас со Светкой в контору на ночь?

– Дурень, как я пущу, если не знаю, где моя жена?

Чуя неладное, Светка затаилась за кустами у края поля и, сжимая сумку, нервозно грызла ревень.

Генка заглянул в теплицу и не поверил своим глазам. По-

среди гряд стояло мохнатое чудовище и било в бубен, издавая странные возгласы. Примкнувший к его плечу Мишка тоже разглядел происходящее и ахнул.

– Кто это? Медведь что ли?

– Дурень, медведи не бьют в бубны, – Мишка все еще не решался переступать порог.

– Я в детстве в цирк ходил, там медведь на велосипеде ездил, а бубен такому раз плюнуть освоить. Давай на него навалимся. Вдвоем осилим.

Решив использовать эффект неожиданности, собутыльники с криками ворвались в теплицу. Сначала чудовище застыло, потом резко рвануло в их сторону. Увидев бычью голову с окровавленными рогами, направленными прямо на них, мужики переглянулись и, не сговариваясь, дружно бросились наутек. Чудовище гналось за ними до самого поля, где сидевшая в засаде Светка с размаху ударила преследователя в грудь сумкой, в которой лежал утюг из починки. Мохнатый зверь не удержал равновесие и с глухим вскриком рухнул. Подняться сразу он не сумел, поскольку все на него навалились и завязалась потасовка. В какой-то момент зверь изловчился, поднялся на задние лапы и зарычал, тогда Светка ударила его промеж ног и тот согнулся пополам.

Это был переломный момент драки. Когда чудовище было повержено, из конторы в их сторону выбежали люди. Генка схватил Светку за руку и оба рванули в сторону леса. В состоянии аффекта они улюлюкали и хвалили друг друга за

храбрость.

***

Выслушав босса о заманчивой перспективе, Мариса не поверила своим ушам.

– Ты всерьез будешь обсуждать это дело с Котиком? Ты подставишь себя и его. Типчик опасный. Это огромный риск. Мы годами выстраивали бизнес, а потеряем в один момент.

– Я выстраивал, я и потеряю, – обрубил Зверобой Марису. Хоть они и были любовниками, залезать в свой карман он ей не позволял. – Мои риски, мой бизнес. Ты свое мнение сказала, большего от тебя не требуется.

Слова любовника резали ее слух, как острие ножа. В такие моменты ей хотелось собрать вещи, прыгнуть в первую попавшуюся тачку и уехать куда глаза глядят. Годы проходят, он богатеет, а она как была нищенкой, так и осталась. Единственным ее приобретением была двухкомнатная квартира в элитном доме напротив мэрии и кое-какие украшения, подаренные Зверобоем. В ее кудрявой голове давно зрел план побега. Вот только без крупного куша она не уедет.

Зверобой перевел взгляд на помощника и сказал:

– Утром доложишь Котику, что есть разговор, а до того узнай, что это за пижон. Проследи за ним.

Мариса со стуком поставила фужер на поднос и обдала

босса уничтожающим взглядом. Зверобой оскалился и закинул ногу на ногу.

– Ты чего ему там глазки строила?

– Это он на меня пялился! Не я!

Нервозность любовницы его насторожила, в последнее время Мариса грубила и вела себя вызывающе. Отказалась идти на аборт и заявила, что ей давно пора в отпуск.

– Иди работай. Утром поговорим.

Это означало, что в конце смены он подвезет ее домой и останется на пару часов, пока Красную Площадь, на которую выходят ее окна, не зальют первые лучи солнца. Тогда он пойдет домой к жене и детям, а она останется одна в холодной постели наедине с мрачными мыслями.

– Утром я поеду к врачу, – она рисковала, но шла наперекор намеренно, не могла делать вид, что между ними все, как прежде.

– Ты же хотела в среду.

– Договорилась на утро.

– Ладно. Принеси мне стейк с зеленым горошком и скажи, чтобы меня никто не беспокоил.

После ее ухода он сделал несколько звонков и, расхаживая по кабинету, размышлял о предстоящей сделке. Все, кто раньше работал с группой Марка Зильбера подняли неплохие деньги. Марк был талантливым разработчиком ограблений, имел надежное прикрытие и авторитет. Единственное, что не давало Зверобою покоя, это то, зачем группе граби-

телей, работающих с банками и ювелирными бутиками, оседать в их захолустье.

Мариса принесла ему ужин и поставила на перекатной столик.

– Закрой дверь на щеколду, пора поговорить по душам…

***

Пелагея оглядела мужчину, скромно ютившегося на стуле в приемном покое, и протяжно выдала: «Нда-а-а». Мужчина был в сплошном черном женском купальнике с надписью «Ibiza», серых носках и розовой резиновой шапочке. На руке виднелся браслет из частного бассейна с почасовой оплатой. Первичный осмотр был закончен, и врач вышел ей навстречу.

– Пьян? – спросила Пелагея в коридоре.

– Алкоголя не принимал. Заторможен. Явно под каким-то воздействием. Возьмем у него кровь и оставим на ночь.

Опрос пострадавшего не выявил ничего нового. Мужчина испугано озирался по сторонам и не мог понять где он и кто он. Составив второй протокол, Пелагея уже хотела выйти из больницы, как по рации коллеги сообщили о нападении в теплицах Изумрудовой и что пострадавшего уже везут в больницу. Она вышла на крыльцо и, увидев, как из скорой на носилках выносят рычащего шамана в шкуре медведя, уве-

домила врача:

– Изумрудова пригласила шамана, чтобы тот провел ритуал изгнания бесов в крайней теплице. У нее там ничего не растет. Но главный бес в семье – ее зять-алкоголик – с бодуна принял его за зверя и напал с дружками.

– Полнолуние, – со знанием дела выдал Аркадий и шагнул навстречу бригаде скорой помощи. – Ты езжай, я позвоню, когда шаман людским голосом заговорит.

Медперсонал с носилками скрылся в здании, а Пелагея оседлала велосипед и поехала в управление. Ее дежурство только начиналось, а происшествия сыпались, как из рога изобилия.

***

В темной палате, освещенной лишь светом уличного фонаря, на койке, свернувшись калачиком, лежала молодая женщина. Застывшие глаза, из которых капали слезы, смотрели в пустоту. В воздухе висела гнетущая тишина, нарушаемая лишь приглушенными звуками: ритмичным тиканьем часов и царапаньем веток об оконное стекло.

Как обычно, слезы вызвали детские воспоминания. В памяти их осталось не так много, но те, что она бережно хранила, были связаны с сестрой: купание в Голубых Озерах, игры в бадминтон на солнечной поляне, запретные путеше-

ствия по катакомбам в поисках сокровищ сказочных троллей. В той жизни у нее были друзья, игры, а главное – смех. Как же она заливисто смеялась! Теперь она, как пугливая ночная птица, живет в царстве страха и неволи.

Закрыв глаза, она попыталась вернуть утраченные мгновения. В ее воображении снова затрепетали звуки щебетания птиц, прохладное касание воды и теплые лучи солнца, пробивающиеся сквозь листву. Каждое воспоминание было как яркая искорка. Но внезапно навалилась тьма и, как всегда, победила. В этой тьме, кишащей призрачными тенями, она увидела, как по дорожке к клинике идет тот, кого она любила и ждала больше всех.

В коридоре послышались вопрошающие голоса с нотками страха и беспокойства, затем появились звуки монотонных шагов в такт тиканья секундной стрелки. Она знала, что сейчас будет в мельчайших подробностях. Все погрузятся в сон, а он примет облик, который даст ему доступ к пациенту. Очевидно, он наблюдал за ней несколько дней, а значит, планировал встречу заранее. Шаги приближались. Она натянула на себя одеяло и следила, как опускается температура на термометре: +18ºС, +15ºС, +12ºС…

Наконец щелкнул электронный замок, дверь распахнулась и в палату вошел мужчина лет сорока в рабочем костюме. Она села на кровати и подобрала под себя ноги. Мужчина стал преображаться. Через минуту перед ней стоял атлетически сложенный юноша с одухотворенным лицом и смотрел

любящими глазами. Между ними возникло энергетическое поле, похожее на туманный вихрь. В этом вихре она увидела жуткую аварию и заплакала, когда узнала своих родителей.

– Они погибли?

Он кивнул.

– Когда?

Он склонил голову на бок, изучая ее реакцию: похоже, она расстроена, а он этого всячески избегал.

– Завтра все изменится. За тобой придет сестра и увезет туда, где мы будем видеться чаще. Я буду с тобой и не позволю падшим тебе навредить.

– А если они навредят тебе?

Он улыбнулся и взял ее за руку. Хоть руки его были теплыми, по ее телу прошел озноб.

За стенкой послышался истошный крик, потом монотонный стук.

– Новенький, – грустно сказала она. – Привезли с вечеринки, на которой он принял наркотик. С тех пор он дезориентирован.

Отовсюду послышались крики и вопли, застучали по батареям и дверям.

– Не все они больны. На завтраке я насчитала пятерых бесноватых. Пожалуйста, сделай так, чтобы они замолчали, – она с тоской посмотрела на толстые решетки. – Хочу выспаться перед дорогой.

Произошла обратная трансформация, после чего он по-

кинул комнату, и, пока шел по коридору, голоса становились все тише и тише. Когда входная дверь с грохотом захлопнулась, в отделении уже стояла пугающая тишина. Через минуту зашевелился медперсонал, кто-то зевал, кто-то поднимался с пола.

– Что произошло? Как я оказалась на полу? Мы что, все уснули? – слышались отовсюду вопросы.

«Сейчас они проверят каждую палату, убедятся, что все в порядке. Тогда я попрошу двойную дозу снотворного и смогу уснуть», – подумала она, глядя на градусник.

+15ºС, +18ºС, +23ºС…

***

Приемная начальника московского управления по борьбе с организованной преступностью ослепляла изобилием люминесцентного света, что вызывало тревогу, потливость ладоней и прилив крови к лицу. Если шеф увидит бывшую сотрудницу в разгар приступа панической атаки, то будущее ей обеспечено сугубо на архивном поприще.

Выполнив, несколько дыхательных упражнений, Аврора начала решать в уме нехитрые математические задачки уровня начальной школы. Это отвлекало от волнения и мрачных мыслей. Когда Степанов гаркнул по интеркому ассистенту, чтобы пригласили Василевскую, сердце застучало

быстро и часто, как при прыжке с парашютом. Краска снова прилила к лицу, Аврора постаралась улыбнуться пошире, чтобы не смазать первое впечатление.

Степанов опустил жалюзи, и сел за рабочий стол. Размусоливать не стал, сразу прыгнул с места в карьер.

– Прими мои соболезнования, Василевская. Знаю, что ты не ладила с родителями, но все же такая нелепая и внезапная смерть…

Не ладила – и это мягко сказано – она с матерью, а уход из жизни отца Аврора переживала, как любой ребенок переживает преждевременную смерть родителя.

– Вызвал тебя из-за неотложности дела. Ты написала заявление на восстановление в должности. Несмотря на результаты медосмотра и тестовых заданий, мы не считаем благоразумным возвращать тебя к работе под прикрытием. Дело было громким. Кома. Газеты. Интервью. Теперь тебя каждая забывчивая собака узнает. Я не против, если ты поработаешь в отделе подготовки спецопераций, но к оперативке не допущу.

Заявление Аврора написала год назад, когда судебные битвы с матерью были в разгаре, сейчас же, когда родители погибли в автокатастрофе, все проблемы Авроры решались сами собой. Ей хотелось больше времени уделить детям, которых она до прошлой недели видела только в присутствии детского психолога. Возражать шефу она не стала, ведь не для этого же сообщения он вызвал ее в такой поздний час.

– Для тебя подвернулось идеальное задание. Если справишься, верну в строй, кем – уже другой вопрос. Если нет, то лучше тебе перевестись в другое ведомство, где пригодятся твои навыки.

– Что за задание?

Раскрыв папку, Степанов вынул фотографию брюнетки лет тридцати с колким взглядом и протянул Авроре.

– Три дня назад в Долине Свободы пропала журналистка издания «Экономика и инвестиции». Со съемочной группой она поехала взять интервью у мэра. Интервью она записала и отправила на согласование начальству. Съемочная группа вернулась в столицу, а журналистка осталась еще на несколько дней по другому делу, которое ее сильно взволновало. Подробностей она никому не сказала. В редакции есть правило: если ты на выездной, то должен выйти по видеосвязи в указанное время, иначе командировочные не начисляются. Эвелина Маркова не выходит на связь третий день. Телефон отключен, дома не появлялась. Из гостиницы выехала со всей группой, группа вернулась, а она в поезд не села. В редакции ее охарактеризовали как дисциплинированную работницу. Проблем с ней никогда не было. Посылаю на поиски именно тебя, потому что ты росла в том городе.

– Я бывала там только на летних каникулах… и то не каждый год…

– А еще из-за твоей родни. Один дядька возглавляет городское управление полиции, другой – священник. Оба в

центре событий.

– А их младшая сестра гадает на картах Таро, ее тоже привлечь к расследованию?

Нависла тягостная пауза. Пока Степанов изучал ее покрасневшее и вспотевшее лицо, Аврора набрала в легкие воздух, потом медленно выдохнула и замерла в ожидании вердикта. Папка тут же захлопнулась, Степанов сел в полоборота, закинул ногу на ногу и уведомил:

– Если тебе по какой-то причине ехать туда не улыбается, откажись – и делу конец. О работе в нашем ведомстве забудь. Сняли с тебя инвалидность или нет, меня не заботит.

Это был поворотный момент в ее судьбе. Разум кричал: «Поблагодари, скажи, что со смертью родителей обстоятельства изменились и уходи! Верни детей и сестру! Все наладится!» Но манящая возможность и любопытство оттеснили крик разума, и она в очередной раз проигнорировала его предостережения.

– Дело мне нравится, просто не хочу к нему привлекать родню. К тому же у меня завтра суд по опеке младшей сестры, она лежит в частной психиатрической клинике. Мне нужна опека, чтобы ее забрать.

– Она будет мешать тебе в расследовании. Закончи дело, тогда поговорим.

– Варю не будут держать в клинике без оплаты, а денег у меня нет. Ее выпустят, и она опять пойдет за навязчивыми мыслями. Тогда мне точно будет не до расследования. Я

возьму ее с собой, там есть кому за ней присмотреть.

– От меня что нужно?

– Характеристика для суда и справка о заработной плате.

Степанов задумался, постукивая ручкой по столу, потом кивнул.

– Иди в отдел кадров. Я им сообщу об окладе.

Аврора хотела напомнить шефу, что сейчас почти полночь, но в кадрах сняли трубку, и ей пришлось спуститься на этаж ниже.

Личное дело долго искали в архиве. Кусая губы, Аврора смотрела на пыльную папку с пометкой: «Вторая группа инвалидности». Осознание того, что ее прошлое, изложенное сухим канцелярским языком, долгие годы покоилось на архивном стеллаже, не прибавляло ей позитивных мыслей. Напротив, эта картина лишь подчеркивала, какое место она занимает в своем подразделении – в пыльном и мрачном шкафу. Ее списали и прихлопнули грифом инвалидности.

– Когда с вас сняли группу? – сухо спросил кадровик.

– Две недели назад. Все бумаги у шефа.

Получив справку, Аврора вернулась домой и прошла в просторную студию. Налила в высокий стакан минеральной воды и села за письменный стол. Среди документов, которые Аврора неспешно перебирала к предстоящему заседанию, лежала газетная вырезка за 2010 год с леденящим душу названием «Исчезнувшая в дыму». Снимок к репортажу сделал корреспондент, случайно оказавшийся на месте возгора-

ния пятиэтажного кирпичного дома. На снимке запечатлен момент обрушения крыши. На верхнем этаже за жизнь боролись пять человек, все высунулись из окон и жадно хватали ртами воздух. Поверх закопченных лиц валил едкий черный дым.

Загадка снимка состояла в том, что в окне этажом ниже были видны детские ноги в белых гольфах и одной красной туфле, будто ребенок висел на люстре под потолком кухни. Это были ноги двенадцатилетней Вари, ее сестренки. В тот день девочка бесследно исчезла из запертой квартиры.

Снимок облетел все газеты и журналы, будоража воображение обывателей, не скупившихся на догадки и версии, коими щедро забрасывали семью. Его автору даже присудили премию года, правда, Аврора не помнила, в какой номинации это было.

«Как избирательна человеческая память», – думала она, перебирая пожелтевшие газетные вырезки. Какие-то детали она помнила, например, второй туфель Вари, хранившийся в книжном столе много лет, а вот порядок событий того рокового дня стерся из памяти. Через три месяца беспрерывного поиска волонтеры обнаружили обритую наголо Варю в Новгородской области, бредущую по обочине дороги в мальчиковой оборванной одежде. Девочка была дезориентирована, никого не узнавала и не желала ни с кем общаться. Ее вернули домой, но родители не смогли до нее достучаться даже спустя годы. С тех пор Варя пребывала в различных ме-

дучреждениях для душевнобольных.

***

Двери душепопечительского центра, расположенного в бывшем Доме Культуры, открывались после вечерней службы в храме. На двери, прямо над вывеской, кто-то из горожан повесил табличку: «За что других осудишь, то себе присудишь». Прием посетителей вели отец Василий Василевский и заведующий психиатрическим отделением Сильвестр Осипович Пахомов. Закадычные друзья детства десять лет просидели за одной партой в школе, в армии служили в одной части и женились на родных сестрах.

Статный и широкоплечий Василий Александрович был средним в семье. От братьев его отличала жажда к познанию, деликатность, добрый и отзывчивый нрав. Профессию летчика он выбрал из-за старшего брата Александра. Братья вместе служили в летном полку до события, произошедшее в советские годы, когда им пришлось разыскивать в горах Кавказа группу православных монахов. Случай этот разделил их жизни на «до» и «после». Когда операция по поиску закончилась, братья были так потрясены увиденным в горах, что, проговорив ночь, Василий сменил форму летчика на китель семинариста, а старший брат взял отпуск и еще долго бродил по горам, в надежде узнать хоть какую-то информацию о тех

самых монахах. Никому о том случае они не рассказывали, но близкие догадывались, что у братьев есть некая тайна, изменившая их жизнь.

Высокий и сутулый Сильвестр Осипович пятнадцать лет заведовал отделением местной больницы. Славился он новаторским подходом в лечении психиатрических заболеваний, постоянно внося свежие идеи в устоявшиеся методы. Несмотря на достижения, коллеги его недолюбливали, часто подвергая резкой критике. Для них он оставался странным и эксцентричным человеком, неспособным справиться с обыденными задачами. Больные же, напротив, любили его за чуткость и умение находить суть проблем.

Хотя Пахомов с молодости не расставался с очками в черепашьей оправе, компенсирующими недостатки зрения, он все равно часто терял свои вещи, не мог запомнить, куда положил инструменты или книги. Даже простой двухкилометровый маршрут «дом-работа» вызывал у него затруднения: погружаясь в размышления о пациентах, он мог легко заблудиться в знакомых местах. В отделении и здесь, в попечительском центре, очередное отклонение от нормы он воспринимал как головоломку, которую непременно нужно разгадать, что делало его по-настоящему уникальным специалистом.

Сегодня людей было мало, поэтому друзья решили выпить чаю.

– Вот что скажи мне, Вася, – начал разговор Сильвестр

Осипович, – почему ты никогда меня в свою веру не обращаешь?

– Зачем мне это делать? – усмехнулся Василевский, разливая чай по кружкам. – Я через тебя мир познаю. Ты, как гастролер, по всем религиям прошелся. Тебя то в Индию жизнь заносила, то в Китай, то в Гватемалу. Сколько приключений, разочарований и надежд!

– Ты забыл упомянуть Японию и Мексику, – Сильвестр Осипович ощупывал карманы в поисках жвачки.

С кружкой в руке отец Василий прошелся вдоль стены с окнами, прислушиваясь к порывам ветра и громко отхлебывая чай.

– А если серьезно, думаешь, священники людей к Богу приводят? Нет, дружище. Бог сам людей призывает, и в тот момент, когда посчитает их готовыми. Например, подходит ко мне человек на улице и что-то невнятное лопочет, я понимаю, что его Бог ко мне толкнул. Но человек не понимает зачем он подошел, что надо спросить у священника. Тогда я начинаю задавать ему наводящие вопросы. Как здоровье, где работаете, живы ли родители? Были ли в семье верующие? Знаете ли вы, кто такой Иисус Христос?

– Протестанты ходят по домам и вербуют людей.

– Там, где нет свободы, нет и Бога. Истинная вера не терпит оков. Ты видел хоть одного нашего ходящего с проповедью по квартирам?

– Нет.

– Потому что не мы людей выбираем, а Бог. Стой в храме на своем посту и неси вахту. Кого Бог приведет сегодня, всех надо окормить и выслушать, все требы совершить и ни в коем случае не осудить. Если Бог их вот таких принимает, то кто я такой, чтобы их судить? Если Бог вот таких любит, я тоже должен их полюбить. Не всегда получается, но я стараюсь.

– Хочешь сказать, что Бог и меня призовет, когда сочтет созревшим?

– Так и будет, не сомневайся. Думаешь, зачем он тебе все красоты мира показал? Чтобы ты понимал, кто во что верит и чем для души человека такая вера заканчивается. Вспомни, по какому шаблону происходят все твои искания.

– Шаблону? Не замечал. Ну-ка изложи, – усмехнулся психиатр.

– Тебя увлекает новое учение. Наблюдается эмоциональный подъем. Ты взахлеб рассказываешь полученные знания, а потом срабатывает встроенный внутренний тумблер, тебе открывается правда, что это не путь к Богу, а очередная хитросплетенная сеть оккультизма. За этим следует резкое охлаждение и полный отход до следующей идеи, которая снова вызовет у тебя интерес. Бог ведет свою работу с ювелирной точностью, открывает тебе правду, не допуская полного погружения в культ. Как думаешь, почему после всех блужданий ты все еще остаешься неповрежденным?

Спор был неуместен, все было очевидно, поэтому Силь-

вестр Осипович предпочел переменить тему.

– Я поговорил с главврачом про эксперимент, который ты предложил… он пока отказал…

– Пока?

– Видел я в его глазах сомнение, но ты сказал не давить, и я ушел.

– Зерно посеяно, а когда ростки взойдут, мы не знаем.

– Мне уже самому интересно, что из этой авантюры выйдет. Священник ведет прием в кабинете психиатра.

– Не обязательно в твоем кабинете. Подойдет любой.

По открытой двери постучали, повернувшись, друзья увидели тучную женщину лет сорока с высокой прической и девушку-подростка в спортивном костюме, прятавшую лицо под капюшоном.

– Проходите, – позвал отец Василий и жестом показал на стулья у стены.

Женщина села на стул и, схватив дочь за руку, рывком усадила ее на соседний стул.

– Меня зовут Лариса Степановна, а это моя дочь Кира.

– Что вас к нам привело?

– Батюшка, я хоть и крещеная, но в храм не хожу и о Боге ничего не знаю. Когда Пасха я яйца крашу и освящать прихожу. Дочку не крестила – муж был атеистом и не разрешал. Потом он умер. Я одна осталась. Пыталась снова семью создать, но не получилось. Дочка выросла, своей жизнью живет. С недавнего времени я заметила ее странное поведение.

Были мы в Москве, пошли за покупками, проходили мимо храма, зазвонили колокола, Кира сжала уши и побежала, как сумасшедшая, что не остановить. Я в панике – не могу до нее докричаться. Звоню ей, пишу, она не отвечает. Нашла ее полиция полностью дезориентированной, кричащей матом, грязную, видать, она падала, когда бежала. Потом она мне сказала, что не помнила, как бежала. После этого у нее начались кратковременные провалы в памяти.

– Вы ходили к психиатру? – спросил Сильвестр Осипович.

– Нет, Кира отказалась кому-то рассказывать. Городок маленький, мол, кто-то узнает и будут дразнить. Вчера был повторный приступ в Нижнем Новгороде, поэтому она решилась обратиться за помощью, сказала про вас, вы вроде ее подруге помогли.

– Наркотические препараты принимали? – из-под рыжих бровей психиатр поднял на девушку глаза.

Все это время Кира сидела, опустив голову и сложив руки на груди. Всем своим видом она показывала, что общаться не будет и мать – единственный проводник в ее давший сбой мир.

– Не принимала она наркотики, – заверила Лариса.

Отец Василий вынул из выдвижного ящика стола анкету и попросил девушку ее заполнить. Пока та вникала в каждый пункт, он спрашивал мать о ее работе и образе жизни. Девушка протянула анкету, и священник бегло ее просмотрел.

– Странно, что при этом наборе совершенных деяний у

вашей дочери такие малые повреждения. Не перестаю удивляться, как милостив Господь, – Василевский протянул анкету другу.

– Какие конкретно наркотические вещества вы принимали? – тут же спросил Сильвестр Осипович.

Потирая изрезанные пальцы, Кира озвучила названия препаратов, которые в попечительском центре хорошо знали. Пахомов быстро записал и спросил:

– Кто и где вам давал эти вещества?

– Во «Флоу»…

– Это ночной клуб в центре?

Девушка кивнула, косясь на мать, которая, схватившись за голову, потеряла дар речи.

– Когда и при каких обстоятельствах вы обращались к магу или гадалке? – спросил отец Василий.

– Что?! – Лариса уставилась на дочь в непонимании. – Похоже, я не знаю собственную дочь!

Сначала Кира, смутившись, отвела взгляд, но на нее в упор смотрели три пары глаз, и она с вызовом выпалила:

– Полгода назад я ходила к лесной ведьме за карьер!

– С какой целью? – психиатр отхлебнул остывший чай.

– Не хотела, чтобы мать замуж выходила. Привела какого-то пьяницу, а тот на меня сальными зенками таращился. Понятно, к чему все шло.

– Да не пьяница он и не смотрел так на тебя!

– Не при тебе же, а когда ты выходила. Однажды спину

стал мне поглаживать и приговаривать, что нам будет очень хорошо втроем, и так лыбится от счастья. Я сразу поняла, куда он клонит, и побежала к ведьме в лес.

Мать всплеснула руками.

– Почему ты мне не сказала о своих страхах?

– Снежка сказала матери, что отчим к ней пристает, а мать ее к отцу отправила. Теперь она с мачехой живет, где еще хуже. А ты куда меня отправишь? К бабке, которая, чуть что, сковородкой по голове бьет? Мне зачем такое счастье?

Оцепеневшая мать пыталась восстановить в памяти хоть один случай подобного поведения претендента на ее сердце, но так ничего и не обнаружила.

– К какому ритуалу прибегла ведьма? – спросил отец Василий, рассматривая на шее Киры татуировку в виде дракона.

– Не знаю. Я просила, чтобы он сгинул, он и сгинул.

– Где ты деньги взяла? – мать пыталась осознать услышанное, но пока у нее это не получалось.

– Цепочку твою ей отдала.

Вспомнив о пропаже, Лариса снова погрузилась в размышления.

– Когда и при каких обстоятельствах вы хулили Бога?

– Тусовалась когда-то с рокером из «Храма сатаны».

– Парень у нее был, музыкант. Я настояла на том, чтобы она его бросила. Выглядел он как демон, – подтвердила рассказ дочери Лариса.

Священник перевел взгляд на Киру и спросил:

– Ты принимала участие в каких-нибудь ритуалах со своим парнем?

Кира буркнула, что с нее достаточно, и бегом покинула здание клуба.

– И что мне теперь делать? – спросила Лариса, когда за ее дочерью с грохотом захлопнулась дверь. – Приступы могут повториться.

– Без ее желания меняться никто ей не поможет. Чтобы ее состояние улучшилось, ей самой нужно очень многое сделать, – ответил священник и тяжело вздохнул. – А вы закатывайте рукава и начинайте борьбу за дочь. От вас сейчас многое зависит. Слышали выражение: «Материнская молитва со дна моря поднимает?»

Лариса помотала головой.

– Спасение вашей дочери мы начнем с вас, Лариса.

– С меня? А я ту при чем? Я от колокольного звона голову не теряю.

– Приходите на утреннюю службу в воскресенье. Исповедуйтесь и причаститесь. Потом поговорим. Без этого даже начинать не стоит.

Кивнув, Лариса Степановна с кряхтением поднялась со стула и увалистой походкой побрела к выходу.

– А где сейчас находится ваш бывший жених? – полюбопытствовал психиатр, разглядывая через окно понуро бредущую Киру.

Лариса схватилась за дверной косяк и обернулась.

– Как в воду канул.

– Запишите Киру ко мне на прием, – Пахомов быстро подошел к ней и протянул визитку. – Попросите регистратора записать на вечернее время, чтобы народа было меньше. Подберем препараты.

***

Очередной звонок из больницы застал Пелагею в туалете. Взглянув на часы, она слишком резко вскочила с унитаза, не рассчитала и стукнулась головой об дверь с такой силой, что искры посыпались из глаз. Взвыв от боли, она потерла лоб и только тогда ответила на звонок:

– Спишь, что ли? – проворчал недовольный врач приемного отделения, и изобразил храп.

Выйдя из туалета, Пелагея осмотрела трещину на двери. За последнюю неделю дверь в третий раз подвергалась испытанию на прочность. В четверг Пелагея шмякнула об дверь карманника, в пятницу – курьера, принесшего ей просроченные суши.

– Издеваешься? Ночь угарная! Некогда в туалет сходить!

– Ладно уж, сходи, сегодня я добрый, а потом к нам приезжай.

– Зачем?

Пелагея вошла в кабинет Василевского, который она всегда занимала в его отсутствие, и кинула взгляд на троих свидетелей, ютившихся на двух стульях.

– У нас тут случай на миллион.

– Интересней, чем мужик в женском купальнике?

Свидетели дружно загоготали.

– Намного интересней, – интриговал Аркадий.

– Что за случай?

– Амнезия, но мужик одет прилично.

– Тогда что в нем интересного?

– Документ, который он обнаружил в своем кармане после того, как пришел в себя на вокзале.

– Долго мы будем бегемота тащить из болота? Говори, что обнаружил у амнезийного, иначе разговору конец!

– Справку о собственной смерти. Согласно этой справке он целый месяц уже мертв.

– Это действительно интересно. Но я не приеду. Пришли фотку и привези его к нам после смены.

На присланной фотографии Пелагея увидела опрятного мужчину в синем костюме и белой рубашке с распахнутым воротом. Вместо галстука шею украшал синий фуляр в горошек. На лацкане пиджака виднелся значок молнии.

– Что там? – поочередно спросили свидетели, когда она устало откинула телефон на стол.

Пелагея показала кулак размером с дыню, и те мгновенно притихли.

– Возвращаемся к вашему делу, – угрожающе сказала она и шлепнула линейкой по тянущейся к печенькам руке свидетеля. – Печенье для меня, дача показаний – для вас. Кто из вас подал идею о письме?

Двое, сидевшие по краям, показали пальцами на третьего. Тот закатил глаза и нервно пояснил:

– Я сказал Сереге, напиши письмо и сожги. А он поджег соседа! Я же не говорил сжечь соседа, я сказал сожги письмо.

– Мы слышали, как ты сказал: «Напиши письмо и сожги его». Мы же обсуждали соседа. Кто сжигает письма? Письма отправляют по почте, – парировали ему друзья с раскрасневшимися лицами.

– Мы же говорили о психологическом эффекте самовысказанности, – продолжал гнуть свою линию свидетель, сидящий между двумя стульями. – Для чего письмо писать? Для того чтобы выплеснуть всю ненависть на бумагу, а не на соседа. А потом сжечь бумагу, вся ненависть и уйдет.

Дверь открылась со зловещим скрипом, все обернулись и ахнули. На пороге стояла гневно рычащая скульптура Аполлона с красными от злобы глазами и разбитым носом.

– Кикиморин! – раздраженно прокричала Пелагея. – Я же сказала, что вы не один пострадавший у нас в городе. Ждите своей очереди в коридоре. В следующий раз подумайте, прежде чем выходить голым в образе своего идеала.

– Сколько раз вам говорить, меня зовут Алонсо! Я не голый! Под краской я в брифах!

– В своей мастерской вы Алонсо, а здесь, в полицейском управлении, вы – Алексей Кикиморин! Идите за паспортом! Без паспорта заявление не приму!

Глава вторая. Глас вопиющего в пустыне

Александр Александрович Василевский, в народе известный как Саныч, а среди недоброжелателей – просто СС, был окружен ореолом легенд и мифов. Бывший летчик, герой двух войн, рано овдовел и с тех пор посвятил себя служению в органах правопорядка. Каждый год, в день, когда его подбитый самолет развалился в воздухе на части и рухнул в горах Афганистана, он вновь возвращался к небесам – но уже не как пилот.

От навалившихся голосов и назойливых лучей, пробивающихся сквозь жалюзи, Сан Саныч приоткрыл глаза. Похмелье, как неумолимый хищник, вонзилось в мозг, отнимая последние остатки хмельной радости. Во рту бушевал пожар, который разгорался с каждой секундой.

– Ой-ой-ой-ой-ой, – охрипшим голосом простонал Саныч и сморщился от дикой боли, сковавшей голову, как тиски.

Сотрудники городского управления полиции с любопытством наблюдали за своим шефом. Каждое празднование его второго дня рождения становилось все более ярким и запоминающимся. Традицией стало завершение праздника в холодильном цеху «Мясного дома Андреевых». Из местных жителей никто толком не знал, по какой причине именно в

этот день в году, приняв на грудь, Сан Саныч выговаривал каждому встречному все, что считал нужным, зачастую публично и на повышенных тонах.

– На кого он похож? – сипло спросил Гоша, новенький сотрудник, разглядывая начальника и рядом лежащую с ним свинью.

– На себя, – отрезал щуплый Кабанбек, личный помощник шефа, и надвинул на лоб зеленую расшитую золотом татарскую тюбетейку. – Такого больше нет. Единственный экземпляр. Любите и цените.

– Я про киноактеров. На кого-то он похож. Причем не на нашего. На америкашку какого-то.

– Ты у нас новенький?

– Ну.

– Күп сүз – бук сүз. Слышал такое?

– Нет.

– Это значит: много не говори, мало говори. Особенно при нем. Он новеньких не любит.

– Люся, ну какая ты развратная, хоть бы халат надела, – пробормотал Сан Саныч обнимая свинью, голову которой по неведомой причине покрывала немецкая фуражка.

У распахнутых ворот ангара начал собираться народ, поэтому помощник предпринял несколько попыток пробуждения шефа, но тот злобно отмахивался и гнал нарушителей спокойствия прочь. Тогда Кабанбек применил проверенный способ, который еще ни разу не дал осечки, набрал в грудь

воздуха и, понизив голос, прокричал:

– Смирно! Равнение на середину! Товарищ полковник! За время дежурства произошло шесть происшествий. Разрешите доложить?!

Ответом ему была тишина. Новенький насмешливо хмыкнул.

– Полковник Василевский! Немедленно доложите об обстановке!

На этот раз тело начальника полиции задергалось, как в агонизирующей судороге, затем снова замерло. До окончательного пробуждения было еще пару часов, но на ожидание времени не было, через час начальник должен присутствовать на совещании в мэрии. Кабанбек набрал в ведро холодную воду и окатил скрюченное на полу тело. Реакция была почти мгновенной, вскочив, Сан Саныч пыхтел от злобы и зыркал на всех опухшими глазками.

– Смирно! Равнение на середину! Товарищ полковник! За время ночного дежурства произошло шесть происшествий. Разрешите доложить?!

Утерев лицо грязной рубахой, Сан Саныч перевел взгляд на свинью и нервно сглотнул, но из всей этой карусели неизвестных фактов, он выделил лишь одно несоответствие.

– Почему посторонние на плацу?!

– Так это ваша зазноба, – засмеялся новенький и для наглядности хрюкнул.

Кабанбек дернул новенького за рукав, напоминая только

что данный совет.

– Это Георгий Пролетаев. Командированный из Арзамаса вместо уволенного Жизнодуба.

– Пролетаев, – повторил Сан Саныч, вмещая в затуманенный от похмелья мозг новую, но нежелательную информацию, и злобно добавил: – Вот и пролетай отсюда.

Кабанбек сделал знак новенькому выйти из ангара, и тот под насмешки жителей поплелся к машине.

– Саныч, впредь предупреждай заранее о своем визите. Я хоть матрас кину. На этот раз ты с дамой пришел, неудобно перед ней, у нас без удобств, – начальник цеха, Игорь Павлович, подошел ближе и принюхался. – Она что, тоже пьяная?

Заправив рубаху в джинсы, Василевский глянул на свинью.

– Палыч, когда ты пришел, тут пепсиголовые были?

– Нет, детей не было, только ты и свинья.

В еще затуманенной алкоголем памяти мелькнули первые проблески вчерашних событий. Свинью ему кто-то подарил, друзья хотели ее заколоть и зажарить на вертеле у озера, где они заранее арендовали беседку, но хрюкающее создание так преданно ласкалось к Санычу и наяривало вокруг него круги, что тот дал свинье имя, запретил ей вредить каким-либо способом, а оставшуюся часть ночи искал для нее дом.

– Знакомься, это Люся.

– Так она что, живая? Тута живых отродясь не было.

– Здесь должны были быть пепсиголовые. Помню смут-

но, но протокольно. Смешки их гадючьи, фуражка… Я ее забрал… не помню для чего…

– Никого не было, – продолжая разглядывать спящую свинью, ответил Палыч.

Взглянув на часы, Сан Саныч громко свистнул. Как от полученного приказа, свинья вскочила на ноги и, похрюкивая, забегала кругами, но быстро устала и плюхнулась хозяину в ноги.

– Так она свою преданность показывает. Люся, за мной! Надо принять душ, что-то пожевать и переодеться.

У ворот ангара в мотоцикле с люлькой лениво просыпался Жженый – боевой товарищ и близкий друг Саныча. Прозвище свое Анатолий приобрел из-за ожога, полученного в горящем самолете. От других приятелей Толик выгодно отличался завидной способностью никогда не пьянеть, так как из принципа не пил выше отведенной его организмом меры.

Начальник цеха отскочил в сторону, пропуская «даму» внушительных размеров и ошеломленно смотрел вслед уходящей парочке. Жители снимали эффектный выход на телефоны. Услышав голос товарища, Жженый протер глаза и окончательно проснулся.

– Ну что, Саныч, пристроил свинью?

– Нет.

– А чего так долго?

– Люся увидела сородичей, висящих на крюках. Как понимаешь, зрелище драматическое – пришлось алкогольно

успокаивать.

– Раскуды теперь?

Сан Саныч оглядел подчиненных и транспорт.

– Кабанбек, отвези Жженого на озеро, а потом приезжай за мной к дому.

– А вы как поедете? – Кабанбек с брезгливостью разглядывал заляпанную свиным дерьмом рубаху шефа.

– Мы с Люсей прокатимся с ветерком.

– Как?

– Вижу цель и не вижу препятствий.

Собрав в пучок длинные волнистые волосы, Сан Саныч надел кожаную куртку, очки-капли и элегантным жестом пригласил в освободившийся мотоцикл розовоухую Люсю, а та запрыгнула в люльку так, будто каталась в ней каждый день. Новенький, нахлобучив на голову свиньи фуражку, решил последовать примеру других горожан и снял на телефон грациозный проезд начальника полиции со свитой, затем наложил на нее звуковую дорожку в виде немецкого марша и выложил в социальные сети с подписью: «Мой новый шеф», на что сразу получил комментарий: «Везет же людям».

– На Томми Ли Джонса! – выпалил новенький, вспомнив внешность американского актера, и щелкнул пальцами. – Такое же лицо помятое.

***

Каждое утро на выезде из промышленной зоны на федеральную трассу, как часовой на посту, стоял Леонид Краснов, юродивый по прозвищу Лазарь, с огромным деревянным крестом, который везде носил с собой, и кричал:

– Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему!

Он кланялся всем, кто проезжал мимо, а уж если дадут денег, бросался на колени, крестился и громко восхвалял благодетелей по именам. Запомнить имена всех жителей невозможно, а знать имена тех, кто впервые приехал в город, тем более. Но Лазарь не только знал, но каким-то чудесным образом ему открывались подробности человеческих жизней.

Сегодня одним из первых ему встретился старенький внедорожник священника Василия, спешившего на утреннюю службу. Завидев его джип, остановившийся на перекрестке на красный свет, юродивый начал барабанить по кузову и требовать отпустить тяжкий грех. Батюшка знал, что лучше остановиться и выполнить просьбу, иначе Лазарь будет преследовать его несколько часов и отпугивать прихожан.

– Батюшка, исповедуй меня грешного.

Процедура обычно занимала не больше минуты, поэтому отец Василий припарковал джип у дороги и встал у капота, который Лазарь облюбовал для ежедневной исповеди.

– Господи, прости мне грех чревоугодия, – взмолился Лазарь, склонясь в покорности и смирении.

Обычно молчащий на исповеди юродивого отец Василий вскинул от удивления брови и спросил:

– Где же ты мог впасть в такой грех, Леня, ты же на подаяния живешь?

– Вчера моя очередь была дежурить на мусорке, что у мэрии. Там много вкусностей нашел и согрешил. С усладой бургер с горчицей ел, три куска пиццы и полпакета картошки фри, аж слюни текли, забыл все на свете, даже Господа Бога своего.

Сначала отец Василий хотел возразить, но пришло понимание, что исповедующийся Лазарь с предельно обостренной совестью и аскетичным восприятием сам знает разницу между поеданием объедков и чрезмерным услаждением пищей. Он отпустил ему грех, прочитал разрешительную молитву и вернулся в джип. Пока он ждал на обочине, пропуская другие машины, Лазарь, склонившись перед огромным крестом, который таскал со дня чудесного воскрешения, наизусть читал главу из Апокалипсиса. Какое-то время батюшка засмотрелся на него, испытывая смешанные чувства, но вспомнив о службе, газанул и поехал в сторону храма.

Когда Сан Саныч выехал на дорогу, ведущую в город, Лазарь улюлюкал вслед свадебного кортежа, направляющегося за невестой, и кричал:

– За пустышкой-сорокой едут! Цацки любит и бесовские

увеселения!

Кто-то из родни жениха решил его проучить и уже открыл окно, чтобы бросить в юродивого яблоко, но проезжающий Сан Саныч на мотоцикле со свиньей в фуражке переключил на себя всеобщее внимание. Послышался разномастный гогот, из окон кортежа высунулись телефоны.

Проехав два квартала, Сан Саныч остановил мотоцикл на перекрестке. От остановки к нему двинулся парнишка в инвалидной коляске и, опасливо поглядывая на свинью, поздоровался.

– Докладывай, Митя.

– Местные работяги Захар и Мирон что-то закапывали в полях перед теплицами Изумрудовой. А семейка эко-чудиков снова по лесу всю ночь шастали, аж до озер дошли. Мужик в красной кепке, как всегда, на карьере копал, ям десять выкопал, теперь там как после бомбежки. На плато обвал был. Целый кусок отвалился и в озеро упал. В коттеджном поселке распальцованные всю ночь гужбанили. Прилетели два вертолета с гостями, девки, выпивка, потом на тачках гоночных по авиационке гоняли. Одна тачка перевернулась, но все обошлось без жертв – подлатали слегка и в Москву увезли. Двоих мужиков в больничку привезли с потерей памяти, говорят, у одного справка о собственной смерти в кармане, а другой в бабском купальнике.

– Журналистку видел?

– Нет. Как в воду канула.

– Найди ее, Митя.

***

Из здания суда Аврора выехала с постановлением об опеке. Заседание, к которому она готовилась несколько месяцев, продлилось не больше десяти минут. Конечно, справка с места работы сыграла решающую роль: судья лишь взглянула на название организации и тут же вынесла положительный вердикт.

Прежде чем выехать на поиски Марковой, Аврора решила посетить редакцию газеты, где работала пропавшая журналистка. Договорившись о встрече с главным редактором, она выехала в сторону центра. Немного отъехав, она включила мотивирующую аудиозапись. Внешние шумы и суета мира исчезли. Осталась только она, ее мысли и мощный посыл бархатного баритона.

«То, что вы можете иметь, зависит только от вас, – голос из динамика проникал глубоко в сознание и наполнял энергией. – Кем вы можете стать, зависит только от вас. Вы – ваш единственный предел».

Ежедневная порция живительной ориентации в пространстве длилась не более пяти минут, этого времени Авроре обычно хватало, чтобы взбодрить мыслительный процесс и пришпорить лень. Ежедневный ритуал помогал ей находить

уверенность в собственных силах и был разработан сразу после выписки из больницы.

Редакция газеты находилась в здании делового центра. Пройдя несколько пропускных пунктов, Аврора нашла офис редакции, где на рецепции приветливая девушка ее встретила, разместила в комнате для переговоров и предложила кофе. Как только Аврора сделала первый глоток живительного напитка, зашла главный редактор – курносая шатенка лет сорока – и посвятила ее в дело.

– Мэр Долины Свободы звонил нам каждый день. Очень настойчивый тип. Я его понимаю: город умирает, инвестиций нет от слова совсем. До него дошли слухи, что Долину Свободы хотят лишить статуса города, и тогда прощай, мэрия. Мы обещали, но все как-то не складывалось. Неделю назад сверху пришла команда…

– От кого конкретно?

– От совладельца газеты. Мэр как-то вышел на него и слезно умолял сделать репортаж об инвестиционных возможностях города и его окрестностях. Материал, который мне прислала Эвелина, был многообещающий. Все стороны остались довольны. Изумрудные озера затопленного карьера, загадочное плато, раскопки, пушистые леса – для туризма это сказка. Она звонила каждый день, мы согласовывали нюансы, на чем нужно сделать акцент, а что не показывать на начальном этапе. Через три дня я заметила ухудшение ее настроения, она стала мрачной, рассеянной, будто не слушала меня. Эве-

лина такой никогда не была.

– Как давно она у вас работает?

– Больше пяти лет. Выполняла любые поручения. У нас деловая газета, мы должны быть в гуще событий мира бизнеса и политики. На Эвелину всегда можно было положиться.

– Скажите, она замужем?

– В разводе. Детей нет.

– Давно развелась?

– Еще до работы у нас, поэтому мы ничего не знаем о ее бывшем. Она не любила говорить о личном, отделяла работу и дружбу. Друзей среди сотрудников нет. Никто толком ее не знает.

– Были у Марковой какие-то конфликты?

– У нас дружный коллектив, мы потратили не одно десятилетие, чтобы сформировать внутренний кодекс журналиста, соответствующего нашему изданию. Если сотрудник его нарушает, идет искать другое издание. Эвелина кодекс не нарушала. О ее личных конфликтах, как я уже сказала, мне ничего не известно.

– Не густо, – разочаровано вздохнула Аврора. – Мне нужно взглянуть на рабочее место Эвелины.

Главред провела Василевскую в комнату с панорамными окнами, в которой располагались три рабочих места. Строгая цветовая гамма подчеркивала деловую направленность газеты. Две другие журналистки говорили по телефону и украдкой наблюдали, как осматривают стол пропавшей со-

трудницы. На стене были вывешены самые удачные репортажи журналистов с красочными иллюстрациями. Среди них Аврора не нашла ни одного репортажа Марковой.

Осмотревшись и вникнув в специфику издания, Аврора сделала вывод, что в условиях высокой конкуренции за интересные сюжеты в области экономики и инвестиций работа коллектива редакции напоминала напряженный спортивный матч. Атмосфера в редакции выглядела нездоровой: сотрудники вынуждены быть настороженными и замкнутыми, ведь каждый понимает, что любое откровение может привести к потере материала. Многие подлизываются к начальству, чтобы получить многообещающие темы, способные вывести их на новый медийный уровень. Такой подход порождает чувства недоверия и конкуренции, где каждый готов пойти на все ради повышения своего статуса.

«На что могла пойти Маркова? – спрашивала себя Аврора, разглядывая ее фотографии на рабочем столе, и тут же отвечала: – Видимо, репортаж в захолустье был некой услугой боссу. Никто ехать не хотел, а она вызвалась, чтобы услужить».

Аврора изучила блокноты и записные книжки пропавшей. Бегло просмотрела темы, освещаемые ею в последнее время. Ничто не намекало на конфликт. Сухие и безэмоциональные отзывы коллег тоже не внесли никакой ясности.

– Доступ к общей базе мы вам дать не можем, но уверяю, сотрудники службы безопасности проверили ее записи и ни-

чего подозрительного не нашли, – сказала главный редактор, провожая следователя к выходу. – Кстати, звонила ее соседка. За день до отъезда в командировку Эвелина оставила соседям кота. Кот все еще у соседки.

Интуиция подсказывала, что разгадка исчезновения таится не в здании редакции газеты, а в городе, который она так тщательно избегала последние годы. Поэтому Аврора не стала задерживаться, сказала редактору, что немедленно выезжает на место пропажи и спешно попрощалась.

***

Огромный стол из темного дуба в кабинете Сан Саныча занимал центральное место и был уставлен интересными артефактами, каждый из которых хранил свои тайны. Прямо по центру стола стояла модель вертолета. Стоящая рядом гипсовая голова, обклеенная пожелтевшей советской газетой, была украшена черным вертолетным шлемом. Еще на столе был компас, он напоминал о том, что в жизни, как и в полете, важно иметь правильное направление. Рядом стопкой лежали книги по психологии и криминологии. Над окном висел плакат с девизом, который Саныч часто повторял: «Не оставляй женщин на старость, водку на завтра, а торможение на конец полосы». Стены были украшены фотографиями, которые выглядели как окна в прошлое. На них он в

летной форме с гордостью позировал рядом с бывшими коллегами. На видном месте висели карты катакомб и карьеров – маршруты, которые он когда-то исследовал, были отмеченные цветными метками, словно звездами на карте небосвода.

Кабинет пропах сигаретным дымом и перегаром. Держась за голову, шеф полиции постанывал и сквозь сиреневую пелену, стелившуюся слоями по всем поверхностям, пытался прочитать протокол происшествия. На разложенные листы упали крошки табака, и Сан Саныч стряхнул их рукой. Буквы и строчки расплывались, но смысл трагедии молодой женщины, стоящей в паре шагов от тюремного срока, от Василевского не ускользнул. Табак снова упал на стол.

– Откуда ты падаешь?

Табак падал с правой стороны, поэтому эта часть головы подверглась тщательному досмотру, в следствии чего за ухом была обнаружена мокрая сигарета, которую он тут же распотрошил на бланке допроса и положил сушиться на подоконник. Покончив с этим делом, он повернулся и заметил посетителя, про которого совсем забыл. Тот тихо притулился на краешке стула и смиренно смотрел на свои колени.

– Витя, ты же у нас в летной части за баранкой сидел? – спросил Сан Саныч, гася еще недокуренную сигарету.

– Пять лет водилой работал.

– Ты так кашлял, честно говоря, я думал, что ты уже помер.

– Нет, как видишь, я еще жив, – поглаживание коленок

возобновилось.

– А жена как?

– Умерла.

– Прекрасно. А как дети? – Сан Саныч выдвинул узкий ящик и выудил на свет зубную пасту и щетку.

Свидетель оторопело уставился на бывшего коллегу, лицо залилось краской.

– Только не говори, что они тоже умерли.

– Я пришел как раз из-за сына.

– Да? Что с ним? Убил или убит?

– Он жив.

– Значит, убил.

– Надоумил.

Заметив бегущего по столу таракана, Василевский стукнул линейкой по предполагаемой траектории движения вражеского лазутчика, от чего посетитель вздрогнул и пролепетал что-то невнятное.

– Все всегда вертится вокруг убийства, – Саныч выглянул в коридор, откуда слышались звуки возни и призывы о помощи. – Кабанбек!

В кабинет заглянул ушастый помощник в татарской тюбетейке. Саныч показал ему на посетителя.

– Докладывай!

– Он сказал, сам с вами хочет поговорить, я показания не снимал. Откуда мне знать, с чем он пришел, может, что-то личное, – помощник активно жестикулировал, помогая

родиться каждому слову.

– Знаешь, почему я его держу? – заговорщически прошептал Сан Саныч свидетелю. – Из-за имени. Кабанбек – у татар главный кабан. Его отец татарин из Пензы.

– А разве татары живут в Пензе? – недоверчиво осведомился Виктор.

– Конечно, они везде живут, даже в Японии, правда, по Казани сильно скучают, – Василевский закашлялся смехом, потом застонал от боли и потянулся к Кабанбеку, будто утопающий просит о помощи. – Принеси алкозельцер из аптеки, будь добр.

Когда помощник убежал, Сан Саныч снова пригнулся к свидетелю и громко прошептал:

– Вообще-то я держу этого пацана не из-за имени, а из-за его отца, он меня от смерти в Афгане спас, но пусть тебя это не смущает, и ему смотри не проболтайся. Так с чем пожаловал?

Свидетель размял онемевшие от волнения пальцы и с тяжелым вздохом поведал:

– Сын мой, студент, на первом курсе ходил в общагу к сокурсникам. Познакомился на вечеринке с девушкой. Она туповатая и толстая, но всех разобрали, а она бесхозной осталась. Выпили там, потусовались. А через пару месяцев она приходит к нему и говорит, что беременна. Хрясь мордась. От кого? Непонятно. Они же один раз были. Я ему говорю, твоя мать после свадьбы полгода не беременела, а эта с пер-

вого раза. Фантастика! Даю деньги, говорю пусть аборт делает. Сын отдал ей деньги, а она их промотала и дотянула до родов. Я говорю Сереге – не наша забота. Пусть куда хочет, туда его и девает, хоть в детдом. Не наш он. Ни свадьбы, ни приданного, ни жилья. На кой она мне? Вот тогда она и задушила мальца.

– Ясно. Расскажи мне о сыне.

– Он привлекательный… – самодовольная улыбка озарила скуластое лицо.

– То есть привлекался?

Расползшиеся губы сжались в трубочку, Виктор вжал шею в плечи и признался:

– Три года назад за продажу анаши.

– Срок мотал?

– Нет, ты попросил судью условно дать.

– Это было до того, как ты кашлять начал?

– Нет. После.

– Значит, я думал, что ты умираешь, и помог тебе с сыном, – Сан Саныч хлопнул по плечу свидетеля, от чего тот чуть не свалился со стула. – И вот как ты мне отплатил! Кабанбек!

– Он же в аптеке? – потирая плечо напомнил Виктор.

– Нет. Он сам никуда не ходит, братьев посылает.

В кабинет заглянул Кабанбек и положил перед шефом таблетки от похмелья.

– Где его сын? – Сан Саныч перевел взгляд на Виктора. –

Как зовут твоего сына?

– Сергей.

– Где его Сергей? – спросил Василевский у помощника и показал на Виктора.

– Не знаю. У него спросите! – Кабанбек подбоченился.

– Где твой сын? – Василевский бросил таблетку в стакан воды и, когда она растворилась, выпил залпом.

– Дома.

– Кабанбек, арестуй его! – Саныч поставил на стол стакан и вытер губы рукавом форменной рубашки.

– Кого? Отца или сына? – спросил помощник, отстегивая от пояса наручники.

– Всех арестуй до выяснения, а мне на совещание к мэру надо.

– А меня-то за что? – возмутился побелевший Виктор.

– За сокрытие преступления.

– Так я, как узнал, что она сделала, сразу к вам пришел.

– Кабанбек, принеси мне белую рубашку и мыло, – Сан Саныч удалился в душевую.

Помощник вывел свидетеля из кабинета и посадил у углового стола, где кучно сидели еще трое в тюбетейках, выполняя разные поручения шефа. Виктор растеряно обвел их взглядом и помотал головой, пытаясь стряхнуть растиражированное изображение: «Бр-р-р».

– Сейчас вы нам все расскажите.

– Я рассказал вашему начальнику.

– Так он тут ничего не решает.

– А кто решает?

– Правосудие, конечно.

Нехотя Виктор повторил историю сына, а Кабанбек записал показания, попросил поставить подпись и число. От стола отделился один из братьев, постучал в дверь душевой и, когда она приоткрылась, передал сверток.

– С начальником один не справится. Шебутной, шайтан, – объяснил происходящее свидетелю Кабанбек. – Отец просил за ним присматривать. Не могу отца подвести. А ваш сын, значит, вас подвел?

– Нет. С чего вы взяли?

– Ну как же? Вы только что рассказали, что он надоумил девушку ребенка убить.

– Он попросил ее от ребенка избавиться, а как она это сделала, не его забота.

– Э-э-э, шайтан, не лепи тут эчпочмаки, – Кабанбек погрозил свидетелю пальцем. – Это прямое указание: «Иди, избавься», – для убедительности он провел ребром ладони по горлу.

– Нет, он настаивал на аборте.

– Как можно сделать аборт, если ребенок уже родился? – вытаращился Кабанбек на свидетеля.

Виктор закатил глаза и застонал.

– Когда сын узнал, что она забеременела, то попросил избавиться от ребенка, а она родила, а потом придушила.

– Шайтаны кругом. Аллах нечестивых накажет. Все будете в тюрь-рь-рьме сидеть.

– И я?

– Ты сына от ребенка избавиться надоумил!

Виктор побледнел и схватился за горло.

– Тюрь-рь-рьма! – повторил полицейский и для острастки надел на него наручники.

***

Рано утром Мариса зашла в квартиру, села на пуф и скинула с отекших ног туфли на высоком каблуке. Увидев свое отражение в зеркале, она ужаснулась. От бессонной ночи под глазами залегли темные круги, губы вспухли от укусов Зверобоя и теперь беспомощно дрожали. Она знала, что за ее квартирой неотступно следят. Ей придется поехать к врачу и прервать очередную беременность, иначе у нее будут неприятности. Повторов ночных угроз ей не выдержать. Здесь, в своей маленькой и уютной квартирке она называла его Пашей, но в клубе такое панибратство было запрещено. Зверобой любил принцип «бей своих, чтобы чужие боялись» и часто применял его на близком окружении.

Раздеваясь на ходу, Мариса зашла в спальню и замерла на пороге. На кровати лежал большой букет любимых ею красных гибискусов. Сначала она подумала, что Зверобой решил

извиниться за то, что перегнул с угрозами, но торчащая из букета записка развеяла ее гипотезу. Зверобой записок никогда не писал. На белой, сложенной вдвое ламинированной открытке значился набор цифр и букв. К записке был подколот ключ от банковской ячейки. Мариса покрутила ключ в руке и еще раз взглянула на записку. Потом села на кровать и осмотрела цветы. Красная упаковочная коробка была куплена в Нижнем Новгороде, в ста километрах от Долины Свободы. Никто бы из местных на такой подарок не решился, из чего она сделала вывод: цветы прислал тот самый Марк, который приходил в полночь в клуб.

Еле дождавшись открытия банка, Мариса прошла в хранилище, где у нее была арендована банковская ячейка, нашла ящик с номером и ввела пароль, указанный в записке. Раздался щелчок. Она открыла дверцу и увидела мобильный телефон. Быстро сунув его в сумку, она открыла свою ячейку и положила в нее чаевые за ночь. Зверобой знал о ее сбережениях, которые она каждую смену пополняла, но никогда о них не спрашивал. Поэтому она не боялась, что ее ранний визит в хранилище вызовет подозрения.

Вернувшись домой, Мариса выудила телефон из сумки и включила его. Дисплей тут же ожил, и она увидела девственно-чистую телефонную книгу. Все это выглядело таким странным, что она уже пожалела, что отбила посланный ей мяч. Надо было сразу сообщить о букете Зверобою, но сделанного назад не воротишь. Телефон молчал, когда она

завтракала, когда ходила по магазинам и в ателье. Его наличие в сумке говорило о том, что впервые за восемь лет работы на Зверобоя у нее появился секрет, который безусловно был большим риском, но привносил в ее жизнь волнительное ожидание и интригу.

***

Собравшиеся начальники городских служб в ожидании мэра разместились за большим прямоугольным столом. Последним в зал заседаний зашел Сан Саныч и по привычке отыскал глазами Любовь Вячеславовну, жену мэра, отвечающую за распределение финансов города, и кивком с ней поздоровался, игнорируя смешки чиновников за спиной о его бурно проведенной ночи. Она сочувственно ему улыбнулась и привстала, приветствуя входящего мужа, Алексея Михайловича Котова по прозвищу Котик. Пока мэр вступал в схватку с эргономическим креслом, которое каждый раз норовило его сбросить, остальные дружно выключали мобильные телефоны.

Мэр обвел всех взглядом и спросил:

– Кого нет?

Сан Саныч со смешком выдал:

– Экзорциста! Демонов из вас некому изгонять!

Шутку оценили все, даже та, ради которой он так старал-

ся. Но насладиться улыбкой на ее лице не удалось, в зал заседаний заглянула секретарь и металлическим голосом проорала:

– Василевский! Вызов из загса!

– Пошлите Пелагею, Саныч нужен здесь! – категорично отрезал мэр.

– Георгина Петровна попросила приехать его лично! Дело требует дипломатии и конфиденциальности, – не отступала секретарь.

– Саныч и дипломатия, как тюремная камера и панорамные окна, никогда не увидят друг друга! Брысь! У нас проблем выше крыши! Пусть его братва разбирается.

Секретарь убежала, а мэр перевел взгляд на жену и спросил:

– Любаша, всех в мэрии интересует вопрос, будет ли сегодня зарплата?

– В два часа, – отчеканила она и по залу прокатились выдохи облегчения.

Любовь Вячеславна славилась своей лаконичностью и прямотой. Вот уж кто понятия не имел ни о дипломатии, ни о красноречии. Поговаривали, что она и ста слов в день не произносила. Саныч называл ее «не женщина, а мечта», но чувства свои скрывал, уважая ее семейное положение. Хотя сам Котик свое семейное положение в грош не ставил.

Раздался звонок, мэр снял трубку оставшегося с советских времен черного дискового телефона и рявкнул:

– Да что б тебя, Ульяна! Сказал же, не отрывай от дел!

Было слышно тараторившую секретаршу, которая перевела звонок на заведующую загса, а та в свою очередь уже лично попросила прислать Саныча. Мэр поднял тяжелый взгляд на начальника полиции и кивком послал его по назначению. У Саныча будто крылья выросли, разгон взял прытко, аж спотыкнулся на пороге.

– Что б к обеду нашел Маркову! Ну или что там от нее осталось!

Все присутствующие посмотрели на него с непониманием, он же изобразил кривляния на лунообразном лице и начал заседание с жалобы жильцов на службу коммунального хозяйства.

Шеф полиции, придерживая на бедре рацию, рысцой бежал до загса через пустынную городскую площадь. В просторном светлом фойе здания XIX века с лепниной и колоннами дрались родственники и друзья новобрачных. Но стоило Василевскому свистнуть в свисток, как все мгновенно угомонились и расступились, как море перед Моисеем.

Из толпы на передний фланг вышел пухленький задиристый мужичок со шрамом над губой и поинтересовался:

– Саныч, ты чаво тута? Жениться, штоль, собрался?

– Я еще в своем уме и трезвой памяти. Как под себя начну ходить, тогда ищи невесту.

– А чаво искать? Моя сестра Маша, – пухляк пихнул к нему пышногрудую женщину в сиреневом платье, – неза-

мужняя, борщи вкусные готовит.

Сестра улыбнулась ему беззубым ртом, схватила Саныча за плечи, и, дыша перегаром, прижалась к нему с такой горячностью, будто только что услышала его заветное «да».

– Сгинь Михалыч! И семейство свое угомони! – Василевский еле отбился от навязчивой невесты.

– Ну что там за задержка?! Мы уже третий пузырь раздавили! – заголосил друг жениха с подбитым глазом.

– Спакуха, полундра! Ща все выясним! – Сан Саныч сдержал желающих подняться с ним на второй этаж.

По лестнице к нему со всех ног бежала заведующая загса Георгина Петровна.

– Ты что, драку без меня не могла угомонить? – рыкнул на нее Саныч, а приблизившись, вполголоса сказал: – Спасибо, а то гнить бы мне там еще пару часов. Ставь чайку и неси пироженку.

– Какой чай?! Какое пирожное?! У нас ЧП! – возбужденно запричитала заведующая и потащила его на второй этаж.

В комнате регистраций, которая свидетельствовала о двух самых важных событиях для человека – жизни и смерти, сидели три испуганные работницы загса и Моня, младший сын владельца банка, с новорожденным ребенком на руках.

– Где ЧП? – спросил Саныч, оглядывая всех «рентгеновским» взглядом.

Женщины, содрогающиеся от пронзительного детского крика, дружно показали на Моню. Саныч остановил взгляд

на сыне банкира:

– Моня, как мы могли пропустить важное событие в твоей жизни? Ты зажал честному народу свадьбу?

– Я не состою в браке, – Моня пытался покачиваниями успокоить раскричавшегося ребенка. – Это сын моего брата. Надо его зарегистрировать и дать имя моего брата.

– Ага, – улыбка медленно сползла с лица Саныча.

Натан, старший сын банкира Абрамова, умер от рака два года назад, что сильно расстроило Моню, и приближенные к семейству люди поговаривали, что теперь он постоянно видится с психиатром и принимает ворох таблеток. Оглядев лица испуганных женщин, Василевский понял, что дело все же по его части, и для начала решил включить ту самую пресловутую деликатность.

– Как дела у папы, Моня?

– Хорошо.

– А где он сейчас?

– В Москве на симпозиуме банкиров. Прилетит через пару часов.

– Прекрасно. Я так рад за него. До жути уважаю твоего папу. Моня, кстати, ты не знаешь, почему этот ребенок так сильно кричит?

– Наверное, он хочет кушать.

– Так давай его покормим.

– У меня нет грудного молока.

– Его мать дала тебе ребенка, чтобы ты зарегистрировал

его в загсе и не дала молока? Позволь тебе не поверить.

– Мать дала молоко, но ребенок его уже выпил.

– Тогда давай попросим у нее еще раз.

– Не представляется возможным.

Все многозначительно переглянулись, заведующая потянулась к мобильному телефону, но Василевский помотал головой, мол, сами разберемся.

– Значит, это ребенок твоего брата Натана?

– Да.

– А кто мать?

– Мать? – глазки Мони забегали. – Так жена его, Илана, и есть мать. Это их ребенок.

– Как же это может быть их ребенок, если твой брат Натан два года как мертв. Ты помнишь? Схоронили мы его.

– Надо соблюдать Левират. Илана к воротам не ходила. На ботинок не плевала. Мой дом обутого, а не разутого.

Женщины зашептались, заведующая в растерянности плюхнулась на стул.

– У кого же он ребенка украл? Может, в рабочем городке или у сектантов?

Сан Саныч поднял руку, требуя тишины.

– Что ты там бормочешь, Моня? Повтори.

– Левират надо соблюдать. «Если братья живут вместе и один из них умрет, не имея у себя сына, то жена умершего не должна выходить на сторону за человека чужого, но деверь ее должен войти к ней и взять ее себе в жену, и жить с нею, –

и первенец, которого она родит, останется с именем брата его умершего, чтоб имя его не изгладилось в Израиле. Если же он не захочет взять невестку свою, то невестка снимет сапог его с ноги его, и плюнет в лице его, и скажет: «так поступают с человеком, который не созидает дома брату своему и нарекут ему имя в Израиле: дом разутого». Второзаконие. Глава двадцать пять.

– Так это в Израиле, а не у нас, – пробормотала заведующая. – Такого закона в Российской Федерации нет.

– Подожди, подожди, – Сан Саныч мгновенно прозрел, – ты говоришь, что есть обычай Левират, по которому ты должен взять жену брата своего и продлить его род, чтобы из истории не стерлось его имя. Так?

– Примерно.

– Тут неувязка вышла, Моня.

– Какая? – Моня стал раскачиваться и нервно озираться по сторонам.

– Свадьбы не было. Ты в законные жены ее не брал. Как ты мог войти к жене брата твоего?

– Илана к воротам не ходила. На ботинок не плевала. Мой дом обутого, а не разутого.

– Уф, похоже у нас проблемы, Моня.

– Почему проблемы?

– Зарегистрировать в загсе могут ребенка только на законного отца. А отец младенца в глазах закона – ты. И тут мы подходим ко второй проблеме. Где мать ребенка?

Глазки Мони снова забегали.

– Она не хотела соблюдать закон. Я ее связал.

– Она жива? – Саныч нервно сглотнул.

– Жива.

– А где она рожала?

– В пещере на Голубых Озерах.

Женщины ахнули и запричитали.

– Ты покажешь мне эту пещеру?

– Зачем? – занервничал Моня.

– Моня, нам нужно отвести ее в больницу. Ее должен осмотреть врач, чтобы у нее не было заражения крови. Понимаешь?

– С ней все в порядке, я сделал все по правилам. Полная стерильность.

– Я тебе верю. Ты молодец, Моня. А теперь ты должен отдать ребенка той женщине, – Сан Саныч показал на Пелагею, осторожно входящую в кабинет. – Она отвезет его в больницу. Там его осмотрят и покормят. А потом ты меня отведешь к Илане. Мы ей тоже поможем. Хорошо?

Моня вытаращил глаза и попятился. Саныч не двинулся с места:

– Моня, выдохни, все уже закончилось. Ты исполнил закон и создал дом брату своему. А теперь эту партию нужно достойно закончить. Понимаешь?

– Я всегда говорю правду, – Моня растеряно рассматривал присутствующих.

– Поздравляю тебя, Моня! Теперь ты отец и отвечаешь за своего ребенка.

– Это сын моего брата.

– Только по закону отцов твоих. А по закону страны, в которой ты родился и вырос – это твой ребенок. Поэтому позаботься о нем. Давай его покормим.

На лице Мони промелькнула тень мыслительного процесса. Он посмотрел на малыша, который наконец-то замолчал, и передал его Пелагее. Сан Саныч взял под руку Моню и повел его в управление, на ходу раздавая по рации поручения своим подчиненным:

– Свяжитесь с Абрамовым, сообщите о происшедшем. Потом отправляйте скорую к управлению, поедем искать Илану.

– Натана надо показать доктору, – Моня потихоньку осознавал свое новое положение.

– И его покажем, и тебя…

***

На другой стороне площади, в здании суда шло обычное для этого города судебное заседание. Судья, Игнат Валерьевич Оправдакин, последняя инстанция справедливости и закона, со скучающим видом отхлебывал чай с молоком и подкармливал собачим лакомством маленького чихуахуа с вы-

пученными глазищами. Каждый раз, когда обвиняемый шевелился, собака высовывала голову из мягкой собачьей будки, стоящей прямо на столе судьи, и, дрожа, издавала угрожающее рычание. Рядом с прокурором сидела дама преклонного возраста в траурном наряде и утирала заплаканное лицо.

Выслушав речь адвоката, судья поставил трек группы Enigma «Ameno Dorime» и с сарказмом произнес:

– Предлагаю позвонить в Рим Папе Франциску и попросить причислить обвиняемого к лику святых, – он перевел взгляд на прокурора. – И как же вы могли такого святого человека подвергнуть аресту и обвинить в мошенничестве? Посмотрите в его чистые глаза. Как же он мог подобраться к вдове и самым бессовестным образом вымогать у нее денежные накопления, оставшиеся от покойного мужа? Что вы скажете в свою защиту, обвиняемый?

– Не судите и не будете судимы, – пробормотал обвиняемый и съежился, втянув шею в плечи.

Собака залилась истошным лаем, получила от судьи лакомство и скрылась в будке. Судья с легким презрением стукнул молотком по деревянной подставке с виселицей и объявил, что вынесение приговора переносится на послеобеденное время. Обычно, если на время обеденного перерыва судья оставлял обвиняемого под стражей, это означало, что его ждал обвинительный приговор.

Пока экспозиция менялась, судья смотрел через окно, как

Василевский со странной процессией идет из загса в управление. Стук каблуков прервал его наблюдения, он перевел взгляд на броскую блондинку и встрепенулся. Перед ним, по его мнению, стояла сама Маргарита де Валуа, портрет которой висел в его кабинете.

– Слушается дело о краже! – огласила секретарь суда и стала зачитывать пункты обвинения.

Обвиняемый, сорокалетний лысый мужчина, на втором заседании выглядел более уверенно, то ли присутствующая женщина в откровенном наряде придала ему уверенности, то ли слова, которые она намеревалась произнести. Адвокат поправил полы пиджака и шагнул к судье.

– Ваша честь, прошу освободить моего клиента из-под стражи, так как в момент совершения преступления он был у работницы интимного сервиса.

Блондинка подошла к судебной трибуне, прикусила губу и кокетливо улыбнулась судье, тот растекся по креслу, как растаявшее мороженное, а его собака, не вылезая из будки, протяжно заскулила.

Секретарь суда обратилась к свидетельнице:

– Назовите ваше имя, адрес проживания и…

– Таксу! – добавил судья.

Секретарь с укором взглянула на судью.

– Суд обязан проверять достоверность фактов, – тут же объяснил свою реплику судья.

Блондинка манерно откинула волосы с плеч и под масле-

ными взглядами всех мужчин начала давать показания:

– Этот лысенький мужчинка действительно был у меня в момент совершения преступления.

– Повторите для протокола число и время, – попросил прокурор, глядя в свидетельские показания.

Блондинка смутилась, покраснела и вопросительно посмотрела на адвоката.

– Ваша честь, можно задать свидетельнице вопрос? – тут же пришел ей на помощь адвокат.

– Валяйте! – разрешил судья, внимательно следя за мимикой свидетельницы.

– Где вы были тринадцатого апреля в десять часов вечера?

Ошарашенная жрица любовных утех часто заморгала, пытаясь что-то вспомнить и осмыслить.

– А какой это был день недели?

– Пятница.

– По пятницам в это время я иду к Котику в сауну. Спросите его, если не верите.

От неожиданного поворота в деле адвокат аж подпрыгнул, а прокурор на радостях подавился слюной и, покраснев, начал откашливаться. Когда всеобщее возбуждение стихло, судья поскреб подбородок и тихо сказал:

– Я всегда говорил, что женщине очень идет молчание, но она его почему-то редко носит, – он вопросительно посмотрел на свидетельницу, которая в это время переводила растерянный взгляд с адвоката на подсудимого. – А где та бу-

мажка, которую адвокат попросил вас зачитать? М-м-м?

Не дождавшись реакции свидетельницы, судья стукнул молотком по «виселице» и объявил перерыв.

– Подсудимый остается под стражей! Адвокат и прокурор, ко мне в кабинет!

***

Свадебный кортеж остановился у белоснежного здания церкви с золотыми куполами. Из машины выпорхнули новобрачные и их гости, поправляя наряды и прически, все шутили и смеялись. Разношерстная компания шумно двинулась к храму, где проходила утренняя Литургия. Никто на них в храме не обратил внимания, некоторые прихожане молились, а некоторые, выстроившись в очередь, по одному подходили к молодому священнику и что-то вполголоса рассказывали, при этом плакали и сокрушались. Новобрачные и их гости посовещались и решили отправить к священнику, мелькавшему за алтарными дверьми, отца невесты – самого интеллигентного из всей родни.

После недолгих уговоров отец невесты снизошел и двинулся на поиски того, у кого можно спросить о венчании. Молодого священника он проигнорировал, посчитав его не осведомленным в их вопросе. Прихожане, почуяв алкогольные ароматы, крестились и шарахались от него, как от носи-

теля опасного вируса. Некоторые отзывались о нем нелестно, мол, не понимает, куда пришел. Постепенно пьяные гости стали расползаться по храму, разглядывая иконы и громко споря, пытаясь угадать, кто на них изображен.

Добравшись до иконостаса, отец невесты заметил за дверью сидящего в инвалидной коляске старичка и решил, что этот седовласый муж точно знает церковный распорядок. Под всеобщее оханье и возмущение он поднялся по ступеням и зашел в алтарь. Старец после заданного вопроса долго всматривался в покрасневшее лицо здоровяка, а потом заплакал, чем в конец обескуражил вопрошаемого.

Обернувшись на чье-то шипение, он увидел подростка в черном одеянии, извинился и уже громче повторил свой вопрос:

– А когда закончится коллективная истерика молящихся?

Вместо ответа юноша, что прислуживал старцу, отходил незадачливого посетителя полотенцем и выгнал из храма. После чего возмущенный до глубины души таким приветствием отец невесты, наотрез отказался от соблюдения каких-либо церемоний, принятых в древности. В итоге вся компания собралась у арендованных лимузинов и громко обсуждала возмутительное поведение священнослужителей.

Венцом происходящего стало подробное объяснение церковных правил вышедшим из храма священником. Оказалось, что в алтарную часть храма, где проходят таинства священнодействия, мирянам заходить категорически запреще-

но, а в состоянии опьянения можно помолиться за церковной оградой, но ни в коем случае не в храме. Венчание обязательно заранее согласовывают и тщательно к нему готовятся. Все бы на этом благополучно закончилось, но невеста, узнав, что она не сможет похвастаться в социальных сетях фотографиями в царских венцах, заголосила так, что со всех ближайших деревьев вспорхнула стая ворон и с возмущенным карканьем разлетелась в разные стороны.

Гости сообразили, что мероприятие по случаю бракосочетания оказалось под угрозой и вот-вот аннулируется. Тогда жених, осознав сложность ситуации, отвел священника в сторону и клятвенно его заверил, если церковь пойдет сейчас навстречу и обвенчает его с женой, он будет вести жизнь достойную христианина и всячески помогать приходу. Священник долго всматривался в решительное лицо жениха и в конце концов нехотя дал согласие, но с условием, что в храме будут присутствовать только трезвые люди.

Кто-то предложил поехать на озеро и протрезветь во время купания. Мысль быстро оформилась во всеобщее намерение, после чего рыдающая невеста была насильственно погружена в лимузин и отвезена на базу отдыха, где, конечно, их не ждали, и ушел не один час на согласование места для передышки, закусок и десертов.

Для большинства гостей выдержать трехчасовой перерыв в употреблении спиртных напитков оказалось невозможным, и после ультиматума со стороны мужской части ком-

пании было решено, что на венчание поедут только крещеные женщины, а тех, кого эта участь миновала даже во младенческом возрасте, остаются с мужчинами в доме отдыха, а позже вся компания объединится в банкетном зале новой гостиницы.

После трехчасовых купаний два лимузина с молодоженами и их приближенными отделились от всей компании и вернулись в храм. У входа к ним внезапно подскочил Лазарь и завопил:

– Мертвецы с деньгами приехали! Мертвецы венчаться приехали! Пустышка-сорока приехала! Царскую корону наденет, фоточки будут! Мертвечина к мертвечине придет!

Жених и его шафер, злющие из-за вынужденного воздержания от алкогольных напитков, наорали на голосящего с такой злобой, что тот был вынужден спешно ретироваться, и крики про мертвецов удалялись все дальше и дальше от церкви.

В притворе женщины долго наводили красоту, брызгаясь лаками для волос, духами и антистатиками. Вышедший из алтаря отец Василий, хотел поприветствовать венчающихся, но вдохнув долетевшие до него ароматы, долго чихал и вытирал глаза от слез.

***

Упаковав вещи по чемоданам, Аврора наспех перекусила сэндвичем с тунцом и помчалась к машине. Она проложила маршрут до Владимира и вырулила на шоссе. Местонахождение ее младшей сестры до смерти родителей держалось в строгом секрете. Мать объясняла это тем, что Варя, после встреч с близкими, становилась агрессивной, порой даже бросалась на медперсонал. Однако, как только воспоминания о встречах стирались из памяти, ее психологическое состояние якобы восстанавливалось. Аврора не верила ни единому ее слову. Такое поведение сестра могла демонстрировать, только увидев фальшивую улыбку матери.

Столичный ландшафт сменился на пригородный, и вскоре Аврора выехала на трассу, ведущую во Владимир. Прибавив скорость, «Мерседес» мчался по гладкому асфальту, с каждым часом сокращая расстояние между сестрами. На подъезде к клинике Аврору охватило волнение и тревога. В каком состоянии Варя? Где им лучше заночевать с учетом ее болезни? Не придется ли спать в машине? Но все ее опасения развеялись, как только она увидела исхудавшую и бледную сестру, стоящую вместе с врачом у парадного входа больницы. Варя держала в руках черный рюкзак и чемодан, в котором лежал ее скромный гардероб, и вглядывалась в лица водителей проезжающих мимо машин.

Аврора припарковалась и, не выходя из машины, постаралась как следует рассмотреть сестру. Странным было то, что Варя за последние годы никак не изменилась, будто ее физическое развитие остановилось в день, когда она попала в беду. Гладкая меловая кожа казалась слишком бледной на фоне черных длинных волос, заправленных в высокий ворот трикотажного свитера. Ровная челка еле прикрывала густые брови. Яркие голубые глаза, которые Варе, как и Авроре, достались от Василевских, смотрели ровно и спокойно. Она была похожа на фарфоровую хрупкую куколку, которую можно сломать, если всего лишь дотронуться.

В детстве в их окружении говорили, что Аврору мать родила от Сан Саныча, а Варю от Василия. Но говорили так не из желания осудить, девочки действительно были очень похожи на своих дядей и тянулись к ним именно в таком соответствии. На каникулах Аврора с Санычем бежали на рыбалку, а Варя помогала отцу Василию в храме. Идиллию разрушил тот самый случай, произошедший с Варей в 2010 году.

Не успела Аврора выйти из машины, как Варя бросилась к ней, и сестры крепко обнялись. Варя оказалась ниже ее ростом почти на голову. Сжимая ее хрупкие плечики, Аврора не выдержала наплыва эмоций и заплакала.

– Как же я по тебе скучала… – заскулила она, целуя Варю в макушку.

Расплывшись в улыбке, слегка смущенная Варя прижалась к ее боку. Сестрам не нужно было говорить о своих чув-

ствах: между ними всегда существовала близкая, до границ мистики, связь. Они легко считывали эмоции и настроение друг друга, что нередко злило мать, и она под любым предлогом старалась их разделить. Теперь, когда они снова были вместе, Аврора чувствовала, что все трудности, которые им предстояло пережить, быстро преодолеются. В глазах Варвары светилась любовь и надежда, и Аврора была готова сделать все, чтобы защитить сестренку.

В клинику Варя возвращаться отказалась, сославшись на плохие воспоминания, поэтому Аврора усадила ее в «Мерседес», а сама побежала к главврачу для оформления документов.

– Раз вы теперь ее опекун, то должны знать о ее заболевании и как оно протекает, – сообщила ей в своем кабинете главврач, худощавая шатенка лет пятидесяти с орлиным носом. – Состояние вашей сестры много лет было безнадежным, пока два года назад за ее лечение не взялся Сильвестр Осипович Пахомов.

Аврора этой подробности не знала, но вспомнив рыжеволосого родственника, кивнула.

– Через десять сеансов Варя успокоилась и пошла с ним на контакт. У вашей сестры шизофрения. Сначала мы думали, что трагический случай подорвал ее психику, но при более глубоком изучении, пришли к выводу, что первые симптомы шизофрении начались уже в раннем детстве.

– Вы говорите о ее даре предвидения и гаданиях?

– Про гадание она нам ничего не рассказывала, – смутилась главврач, перевела взгляд на лечащего врача и спросила: – Геннадий Борисович, гадание всплывало в ваших беседах?

Пучеглазый брюнет лет сорока зашевелил торчащими во все стороны усами и сказал:

– Вскользь. Пациентка сказала, что ее тетка гадает на картах Таро.

– А про конфликт с теткой, который закончился дракой, она рассказывала? – спросила Аврора, разглядывая усы, напоминающие щетку.

– Нет. Мы больше обсуждали ее ангельского друга.

– Кого? – Аврора округлила глаза.

– Видите ли, у вашей сестры уже есть опекун. Варя помнит его с пятилетнего возраста. Его зовут… – главврач заглянула в историю болезни. – Цай.

В этот момент Аврора почувствовала толчок, будто при землетрясении. Вода в ее стакане и графине качнулась влево, потом снова застыла. Никто кроме нее на это не обратил внимание, и она подумала, что это последствия первого длительного вождения после комы.

– Он оберегал ее, помогал решать сложные ситуации. Мы считаем, что это произошло в результате материнского пренебрежения. Таким образом ребенок научился самостоятельно восполнять материнскую заботу.

Аврора никогда не слышала от сестры про какого-то Цая.

Обычно Варя не скрывала от нее своих фантазий, рассказала же она про написанную ею в восемь лет детскую сказку о любви волшебника и феи! Почему не рассказать про Цая? Вступать в полемику Аврора не стала, ну есть друг, и ладно, тем более Варя позиционирует его как помощника, а не злодея. Неизвестно, кого бы в своем воображении создала сама Аврора, попав в подобное заведение.

Врачи настаивали на том, что Варе требуется режим, особый уход и постоянный прием лекарств, поэтому вручили список препаратов с указанием дозировки. После этого Аврора подписала необходимые бумаги, вернулась в машину и передала список сестре. Варя тут же скомкала его и выкинула из окна на проезжую часть.

– А вот мусорить нехорошо.

– Выбрось из головы все, что они тебе обо мне наговорили. Мне нужно было как-то выживать.

Сжав руку сестры, Аврора стала осматриваться вокруг.

– Ищешь, где покушать? – Варя не сводила с сестры пристального взгляда, ей хотелось рассказать все прямо сейчас, и она знала, что Аврора ее непременно поддержит в любом начинании, но последствия такого откровения снова могут привести Аврору к краю гибели, и на этот раз она может не выкарабкаться.

– До Долины ехать долго. Сначала до Нижнего Новгорода четыре часа, там сделаем остановку, поспим, позавтракаем. Когда свернем с федеральной трассы дорога будет кошмар-

ная, придется объезжать каждую яму, так что намучаемся.

– Дорога будет отличная до самой Долины, – Варя зажмурилась и втянула носом непривычный симбиоз ароматов.

Аврора не стала спорить. Сестра улыбалась, а это дорогого стоит.

– Значит, ты в суде оформила на меня опеку?

– Шеф помог, – Аврора припарковала машину у кафе с вывеской «Трасса» и улыбнулась сестре.

– Больше никто и никогда не закроет меня в психушку. Обещай мне.

– Обещаю, – взгляд Авроры скользнул по исхудавшему лицу сестры. – Но ты тоже должна мне кое-что пообещать. Позаботься о себе, иначе беды не миновать.

***

У окон своего кабинета Саныч устало вылез из мотоцикла и снял резиновые сапоги. Не успел он влезть в привычные казаки и стянуть резинкой волосы в хвост, как увидел судью с песиком под мышкой, выходящего из ресторана, где тот по обыкновению обедал.

– Умер? – Саныч с надеждой указал на собаку.

– Спит. Налаялся, утомился. Сегодня сплошные обвинительные приговоры, – судья погладил песика, тот лениво приоткрыл глаза и снова уснул. – Нашли Илану?

– В дальней пещере на озерах. Моня там целую операционную собрал. Родне же сказал, что Илана уехала в Европу, и старательно выкладывал в социальные сети смонтированные фотки.

– Сколько он там ее держал?

– Шут его знает. Ее ор был слышен на всю округу. Меня увидела, и сразу в рот воды набрала. А как с Абрамовым поговорила, включила пластинку: «Претензий не имею, здесь находилась по собственной воле», – Саныч размял шею и взглянул на часы. – Зря ты вчера не пришел…

Судья поймал злобные взгляды владельцев торговых палаток, сверлящих спину Саныча.

– Уже жалею. По всей видимости, днюха вчера началась прямо здесь. Сегодня мэра жалобами закидают.

– Пусть кидают, может, отвлекут от журналистки.

– Так и не нашли?

Саныч покачал головой. Оба понимали, что в ближайшие часы размеренная жизнь их отдаленного от цивилизации городка сильно осложнится.

– Сегодня у тебя играем или у меня?

– Шахматы отменяются. Племянницы приедут.

– Ба-а-а! Обе?

– Прикинь? Геморрой, шизофрения и импотенция вместе взятые. Буду хату надраивать к их приезду.

– Так они у тебя будут жить?

– А у кого? Анька их к себе не возьмет, Варька у нее всю

клиентуру переманит. На память о разборках у Аньки остался шрам на лбу, а Варьке она кольцом ухо порвала, ребенок без мочки остался.

– Так у сестер же своя квартира есть, – судья показал на старинный купеческий дом напротив аптеки.

– Там ни мебели, ни ремонта, ни света. Отключили за неуплату. Володя хотел квартиру продать. Лет пять объява висела. Потом почему-то передумал. Разгребем проблемы и начнем ремонт.

– Надолго едут?

– Аврору снарядили Маркову искать, а дальше посмотрим.

Оправдакин с пониманием закивал и похлопал друга по плечу.

– Все равно мне дома делать нечего, так что приду тебе помочь.

Саныч толкнул массивную дверь и зашел в фойе управления, по обыкновению, в это время суток кишащего множеством народа. Пересек длинный коридор и направился в свой кабинет.

– Ну! Архаровцы мои, докладывайте! – прокричал Саныч и уселся за свой стол, заваленный протоколами и объяснительными.

Похватав папки с делами, сотрудники потянулись в кабинет к шефу на планерку.

– Заведено восемь дел… – начала Пелагея.

– Помню цифру шесть…

– Так пока вы в лесу бегали, еще два подвалило, – Кабанбек поставил на стол шефа чашку кофе и тарелку с шаурмой.

Пока Пелагея докладывала о происшествиях, Саныч впился зубами в шаурму и расправился с ней в три укуса. Бегло просмотрев протоколы, он отложил несколько папок с делами и постучал по ним.

– Этих ко мне, остальных пожурите и отпускайте. У кого третье предупреждение, дайте выбор: коммуналка или срок. Если работать не хотят, ведите в суд. Если и там не одумаются, оформляйте.

Сотрудники знали, что редко кто доходил до здания суда, обычно пойманные с поличным горожане соглашались на любую работу, лишь бы избежать неволи.

Первой к Санычу привели розовощекую и пышногрудую Елизавету Андрееву. Саныч снял с нее наручники и показал на стул. Растрепанная девушка шмыгала носом и боялась смотреть ему в глаза, а по сему предпочитала наблюдать за щелями в полу.

– Игорь Павлович Андреев случайно тебе не родственник?

– «Мясной дом Андреевых»?

– Ага.

– Нет, однофамилец.

– Рассказывай, Лиза, как ты до такого додумалась, удушить ребенка, – Саныч дал знак заму принести младенца.

Пелагея положила спящего ребенка в кресло, Андреева покосилась на малыша, увидела синюю борозду вокруг шеи и залилась горючими слезами. Когда Пелагея вышла, Саныч закрыл дверь, а такое бывало редко.

– Лиза, посмотри на меня…

Девушка подняла на него заплаканные глаза и громко всхлипнула.

– Помоги себе. Сосредоточься и расскажи, как все было. Только правду, если соврешь, я тебя без зазрения совести по этапу отправлю, а если скажешь правду, помогу. Ты молодая, здоровая, и за парнем этим нужно присматривать. Давай, включай мозги.

– Что рассказывать?

Саныч сел в свое кресло и развел руками.

– С самого начала рассказывай. Когда залетела? От кого?

– В общаге дело было.

– Ты там как оказалась? Ты же не студентка.

– Так я к Сереже приехала. Мы встречались пару раз, а потом он на учебу уехал. Я поехала к нему.

– Влюбилась?

Она закивала.

– Есть такое дело. Он не как другие. Вежливый, всегда что-то интересное рассказывает. Не матерится. Хороший он. Александр Александрович, Сережа ни в чем не виноват, это все я. Отпустите его, пожалуйста.

Интуиция Саныча не подвела, перед ним сидела не убий-

ца, а недалекая тетеря, попавшая в шторм непредвиденных обстоятельств.

– Рассказывай дальше!

– Мы стали встречаться. Однажды он пригласил меня на вечеринку, я приехала. Там сокурсники его были. Осталась у него на ночь. Вот тогда я и забеременела.

– Как он отреагировал?

– Хорошо, пока отцу не сказал. Отец, как увидел меня, так строго-настрого запретил Сереже со мной встречаться. Сказал, что я не понятно от кого забеременела. Что от одной ночи ребенок не рождается. Понес такую чушь, что я ушла. После каникул Сережа обратно уехал на учебу, а я осталась здесь. Работы нет. Денег нет. Квартиру обещали дать, как детдомовской, но накололи.

Саныч сделал пометки в блокнот и снова поторопил с рассказом.

– Из роддома я позвонила Сереже и сказала, что у нас сын родился. Сама бы я не звонила, но медсестра в больнице настояла. Я же его данные, как отца, сразу в анкете записала, мало ли… Он был рад и не рад. Не поймешь. Забирать в роддом не приехал, и я решила, что между нами все кончено. Подруга приютила меня в общаге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.